

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анастасия МАШЕВСКАЯ
**КЛИНОК БОГИНИ,
ГОСТЬ И РАБ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Говорят, где-то в Великом море стоит Багровый храм. Там верят, что все люди рождаются в крови и умирают — в крови. Там или исчезают бесследно, или превращаются в орудие Матери Сумерек. В Багровый храм могут войти только трое — Клинок Богини, гость и раб. И в Багровом храме можно встретить три силы — дружбу, любовь и смерть.

Анастасия Машевская

Клинок Богини, гость и раб

Если ты носишь мой дар, значит, ты мой. Наиболее предпочтительный любовный подарок — это кольцо: тот, кто его дарит, хорошо знает, чего он хочет, и тому, кто его принимает, тоже следует знать, чего от него хотят, и помнить, что любое кольцо является видимым звеном невидимой цепи.

Томас Манн. Иосиф и его братья

Детство Томирис прошло под звон мечей.

Булат Жандарбеков. Томирис

Далеко на северо-западе Этана раскинулся Пурпурный танаар Яввүзов. Один из двенадцати защитников Яса, громадной державы мореходов, тан Сабір Яввуз по прозвищу Свирепый унаследовал свой надел восемь лет назад. Как и всякий ребенок из семьи танов, он не мог избрать в жизни иного пути, кроме сражений.

Чертог Яввузов, расположенный на вершине одного из холмов-отрогов Астахирского хребта, был огромен: крепостные стены из черного гладкого камня восьмиметровой высоты достигали почти четырех метров в толщину. Двенадцать округлых башен возвышались над природной насыпью почти на сорок метров, донжон — еще выше, а в диаметре знаменитая неприступная обитель Сабира Свирепого составляла тридцать метров. Между цитаделью и стенами раскинулся город с бесчисленными караулками, складами, оружейными, кузницами, охотничьими и рыболовецкими домами, промышлявшими сбытом дичи и морского урожая, рынками, амбарами с выращенными на окрестных малопродуктивных полях пшеницей, ячменем и овсом; гончарными мастерскими, глину для которых доставляли из наделов одного из знаменосцев Яввузов, и много чего еще. С западной стороны донжона стоял местный храм Двудинства, где поклонялись Праматери-Иллане и Ее Достойному Брату-Владыке-Вод Акабу. Здесь же, рядом с храмом, находился семейный склеп пурпурных танов, а за ним, у северо-западных куртин, военная академия для обучения воинской элиты и командиров. За этой частью стены, почти в недостижимом для врагов месте, находились осадные мастерские.

Загоны для выпаса скота и пастбища для лошадей оставались за пределами стен, хотя танские конюшни были в пределах города.

С восточной стороны цитадели внутри крепостных стен располагались легендарные на всем севере и во всей стране псарни с породой собак, выведенной от скрещивания волкодавов и волков. И по сей день раз в пять лет устраивалась грандиозная охота на волчью стаю с целью захватить молодняк и обогатить его кровью следующее поколение танаарских псов. Загоны для выведения такой породы были раскиданы в каждом из близлежащих к чертогу поселений — рослые мохнатые псы являлись отличным подспорьем против любого врага, а об их преданности и речи не шло. Недаром ведь столетия назад танский дом Яввузов выбрал своим гербом именно черного красноглазого волка посреди пурпурного полотнища. До сих пор хранит народная память предания о собаках, провожающих человека в залы Старухи-Нанданы-Смерти. Согласно легенде, четырехглазые псы с рубиновыми зрачками указывали умершему дорогу по крайним северным тропам, среди воющих ветров, в мир «по ту сторону».

С северо-восточной стороны крепости куртина отсутствовала — две смежные башни практически врезались в утес, с которого с диким грохотом срывались валы ледяной реки Тархи. Опасная, с десятками порогов, Тарха пересекала город с восточной стороны и с шумом несла осколки горных пород по скалистым отрогам, пока, наконец, петляя голубой лентой, не терялась в лугах. Где-то дальше, на юго-востоке Тарха впадала в реку Ашир, протекавшую во владениях соседа тана Маатхаса. По притокам полноводной, богатой рыбой Тархи на северо-востоке своих земель Яввузы выходили в Северное море.

До самого подножия Астахирских гор (включая сам хребет) тянулись селения суровых северян. Закаленные тяжелой борьбой с немилосердной природой и нещадным трудом в

добывающих рудниках, возвращенные у основания или в разлогах белоголовых астахирских круч, горцы — и мужчины, и женщины — следовали за силой и традицией, которые сами хранили пуще всех танаарских домов.

От чертога Яввузов каштаново-снежной змеей стекала тропа по склону отрога. В теплое время года по обе стороны от нее стелились луга подснежников, весенников и «славы снегов», а в мае-июне добавлялись фиолетово-синие пятна ирисов. За ними возвышались тяжелые хвойные леса халцедонового цвета, а немного южнее — смешанные. В этих землях располагались города и поселения, принадлежавшие непосредственно Яввузам и управляемые местными «законоведами» — лаванами, стоящими на следующей ступени в иерархии Яса после танов. Дальше лежали владения знаменосцев из числа тех же лаванов, представителей боковых ветвей и дальних родственников клана. И каждый из них знал, как грозен бывает тан Сабир Яввуз, когда, согласно девизу рода, оголяет оскал.

У белокурого и сероглазого тана Сабира было все: самый крупный в стране танаар, расположенный в сердце, кажется, бескрайнего севера; укрепленный чертог, военная академия для обучения офицеров, великолепная личная гвардия, преданные люди, верные братья-ахтанаты, хорошие отношения с соседями, сорокатысячное войско, добродетельная жена и даже любимый сын. Одного не было у него — законного наследника, ибо десятилетнего Рýссу, в котором Сабир души не чаял, родила дочь каменщика Рут. Богиня-Мать и Отец-Владыка-Вод Акаб не послали ему сестер, так что к этому времени Рут стала единственной женщиной, которую тан когда-либо любил, если не считать его собственной матери. Вдовствующая танша не ограничивала сына ни в его привязанности к простолюдинке, ни в иных утехах. Но вот минул год, как Сабир сел в танское кресло, потом второй, третий... Когда минуло шесть лет правления Сабира Грозного, мать настояла — женись. И, почтительный к воле родившей его женщины, Сабир женился на той, кого она посоветовала, — невысокой миловидной танин Эда́не Ниита́с, дочери Сиреневого танаара.

Вопреки сложившейся традиции, женившись, тан Сабир так и не обжился бессчетным множеством так называемых водных жен, дети которых признавались законными, но лишались права на наследство. Поэтому Эдана Ниитас, его земная жена, не имела соперниц, ибо дочь каменщика Рут скончалась от лихорадки за три месяца до свадьбы тана Сабира.

Яввуз относился к супруге уважительно — как-никак, только земную жену можно выбрать среди равного тебе сословия. Но уважать можно и врага — Сабир Свирепый знал не понаслышке. Жену же положено любить.

Он не любил Эдану Ниитас ни капли и не скрывал этого от всего Пурпурного танаара. Возможно, если бы она родила ему сына, он сумел бы проникнуться к ней приязнью, нередко размышлял тан два года спустя, наблюдая за женой, вынашивающей его ребенка. Вместе с тем Сабир боялся признаться себе, что, если Эдана родит ему законного первенца, этот ребенок станет главным соперником, а с годами, возможно, и врагом его Руссе. Да разве он сам одинаково относился бы к родным братьям и к братьям-бастардам, если бы они у него были? Нет... Сабир боялся, что, супротив отцовскому чувству, может возненавидеть и супругу, и родившегося ребенка, если это будет мальчик. И почему в свое время он не мог жениться на Рут?..

Восемь лет минуло с того дня, как Сабир занял кресло отца, и теперь он сидел в неприступном чертоге Яввузов, сцепив в замок упертые в колени руки. За закрытой дверью ближайшей комнаты рожала его жена.

Он упирался лбом в сплетенные пальцы и напряженно ждал. Здесь, у покоя Эданы Ниитас, как велел обычай: коль уж Владыка-Вод Акаб не мог воспроизводить жизнь сам, он всегда из уважения к Сестре-Жене Богине берег Ее покой, когда она создавала мир суши и неба.

Вдовствующая тану Бануни, мать Сабира, стояла рядом. Мучительные часы тянулись и тянулись...

Наконец раздался тонкий плач, и одна из повитух отворила дверь. Сабир почти не поменял позы, только оторвался от рук и повернул лицо к женщине.

— Кто? — спросил напряженно, вцепившись в ее лицо твердым и прямым взглядом.

— Девочка, тан.

Бануни ждала, что ответит ее сын, но Сабир молчал и молчал.

— Сынок? — осторожно спросила танша.

Сабир Грозный сипло, с облегчением, выдохнул, ощущая, как наконец сужается могучая грудная клетка, и опустил голову на руки. Закрыв на мгновение лицо ладонями, потом поднялся, выпрямившись во весь свой недюжинный рост, и сказал:

— Стало быть, дочка, — обернулся к матери. — Девочка, мам! — сказал совсем по-мальчишески.

Бануни мягко улыбнулась. Что ж, такова воля Праматери, думала она. В свое время танша произвела на свет трех сыновей, но так и не получила желанной малышки.

— Пойдем посмотрим.

Повитуха отворила им дверь, пропуская вперед и кланяясь.

Когда Сабир впервые взял девочку на руки, невольная улыбка расплылась по суровому лицу.

— Спасибо, — сказал он жене, даже не взглянув на Эдану.

— Как ты назовешь ее? — спросила Бануни. В целом у северян из Пурпурного танаара сложилась своя, совершенно особая традиция наречения детей — окончание имени ребенка должно было полностью совпадать с началом имени отца, а нередко имя и вовсе целиком собиралось из двух «родительских» начал. Поэтому выбор у Сабира был небольшим.

Тан посмотрел на мать.

— Бансабира, — выговорил он ясно и передал девочку своей матери.

Через несколько дней состоялось освящение ребенка в вере Матери Илланы и Отца Акаба, и Сабир сам держал девочку весь обряд. Когда настало время в знак новой жизни полить ее теплой водой, Сабир вытащил дочь из пеленок. Впервые он увидел ее без одежды и сразу приметил на алебастровой коже крохи еще более светлое, почти неестественно белое пятно на левом бедре. Отметина походила на след от стрелы. Тан знал: подобный знак на теле ребенка означает, что из прошлой жизни он ушел не своей смертью, — пятно всегда соответствует месту, куда была нанесена смертельная рана.

«Должно быть, копьё, — подумал тан, глядя на маленькое существо в руках. — Это к лучшему, будет воительницей».

Где-то вокруг раздалось обрядовое троекратное «Пусть!». Будто поняв, о чем подумал отец, девочка посмотрела прямо на Сабира светло-зелеными глазками и улыбнулась, оголив розовые десны. В груди тана, под камнем, что-то дрогнуло.

Праздничные гуляния с играми и состязаниями, устроенные Сабиром по случаю рождения дочери, сменил угар пышных похорон. В семейный склеп опустили омытое и умасленное тело Бануни Яввуз, а на мраморной могильной плите — как делалось для всех

погребенных здесь Яввузов — из волчьих клыков выложили голову хищника, которую тан по обряду полил красным вином.

Если у глубоко опечаленного Сабира была жена, которая, несмотря на агрессию мужа, помогала ему бороться с болью потери, то десятилетнего Руссу не утешал никто. И потому с кончиной бабушки в его жизни не осталось никаких других женщин и девочек, кроме новорожденной сестры. Он еще не знал, что такое «бастард», и не ведал, что не стать ему со временем таном вместо отца. Но уже тогда ясно понимал: они с Бансабирой одной крови.

Детство Бансабиры прошло под звон мечей — иначе и не могло быть в семье танов. Отец, брат, трое дядей, четверо кузенов, половина всех домашних мастеров по оружию, кораблям и лошадям — наставников маленькой Бану хватало, и девочка с радостью и готовностью постигала предложенный ей мир.

Когда Бансабуре было три, отец приставил к ней личного охранника Дувала, чей сын Раду был приятелем Руссы. В их компании Бансабуре и довелось единожды на своем веку застать Парад Планет. Было ли это связано с тем, что парад пришелся на срок Заклинателя Змей, неизвестно, но небо в тот день отливало густой зеленью. Правда, Бансабира никогда не смыслила в знаках, и уж тем более — в три года.

Когда девочке исполнилось четыре, Сабир подобрал ей учителя письма, чтения и исчисления. К этому времени мать Бану Эдана уже дважды зачинала, но выносить плод до надлежащего срока не смогла. А Сабира, кажется, и не беспокоило, что его наследник — девочка. Налицо в Ясе еще примеры, когда женщина стоит во главе танаара, и военная мощь этих наделов такова, что соседи остерегаются спорить с их хозяйками. Да и память северян хранит недалекое прошлое, когда женщина полноправно стояла во главе царства, не то что во главе танаара.

В пять лет Бансабира уже бесстрашно вскарабкивалась на самую норовистую лошадь и, цепляясь за гриву, как клещ, рассекала округу. Русса и Дувал всегда держались рядом. Хотя нередко бастард приходил к сестре во время какого-нибудь урока, забирал девочку, несмотря на протесты учителя, и, оседлав одну лошадь на двоих, увозил в холмы — любоваться снежным одеялом на скалистых отрогах или ранним цветением «славы снегов», покрывающей склоны вершины, на которой располагался фамильный чертог Яввузов...

В шесть впервые взяла в руку тяжелый короткий меч. И за считанные недели тренировок лицо ее преобразилось — теперь, стоило обычно веселой девочке ухватиться за оружие, светлые бровки сходились над переносицей, глазки становились грозными. Попервости очень уж потешным казалось это выражение на детском личике тану Сабиру, взявшемуся самостоятельно учить дочь. Но с тех пор как она впервые в пылу тренировочной схватки гневно крикнула отцу «Не смейся!» и заплакала, Сабир стал относиться к Бану еще серьезнее.

— Я никогда не посмеюсь над тобой, — пообещал он тогда и поцеловал в лоб.

Еще через полгода впервые не удержал собственную руку и случайно задел девочку клинком. В ужасе отпрянул тан Сабир от ребенка, который не понимал, почему папа остановился. Мужчина выронил меч, упал на колени и сгреб дочку.

После следующего поединка они сидели рядом и уже вместе, смеясь, подсчитывали царапины...

В семь впервые вышла в море на корабле брата. Семнадцатилетний Русса стал совсем взрослым. Рослый, крепкий, он был истинным северянином. В отличие от белокурой Бану,

пошедшей по роду отца, Русса унаследовал черную вьющуюся гриву матери Рут. По примеру Сабира он тоже учил Бану владеть оружием, избрав для упражнения лук. Чем старше юноша становился, тем больше было у него поводов ревновать Сабира, как шептались некоторые. Русса знал эти сплетни и нередко думал: да, он мог бы ревновать отца к Бану, если бы Бану была мальчиком. Но сестра была сестрой, а он, Русса, к этому времени уже слишком хорошо понимал, что значит «бастард».

Сабир назначил второго из своих младших братьев, Тахбіра, защитником крепости Сулавва́х на юго-восточных рубежах Пурпурного танаара. В конце июня того года, когда Бансабуре было семь, там собрался весь многочисленный клан Яввузов с несколькими охранниками — больше тридцати человек. Даже самый младший из четырех братьев, Доно-Ранбир, прибыл сюда из Гавани Теней, столицы Яса, где, согласно закону, представлял свой род. И вовсе не от излишка времени и любопытства — посмотреть на работу Тахбира — собрались они здесь, а для того, чтобы стать свидетелями его бракосочетания с танин Маатхас, племянницей тана Махрана Маатхаса, защитника соседнего Лазурного танаара. Надел Маатхаса, одного из трех северных танов, располагался на северо-востоке страны. Сам тан не смог приехать на торжество, отправив сына — двадцатидвухлетнего темноволосого ахтаната Сагрома́ха с самыми смешливыми глазами из всех.

Дочь второго сына выходила за третьего сына — незамысловатое подспорье и без того негласному союзу северян. Три северных клана — Яввузы, Маатхасы и Каамáлы — всегда поддерживали друг друга, особенно с тех пор как почти сотню лет назад последними вошли в состав великодержавного Яса и по сей день, к недовольству его правительства, находились на особом положении...

Свадьба удалась на славу. Гуляли шесть дней. Дозорные проспали...

С того дня как север стал частью Яса, таны Шау́ты, Алый дом, умили свой воинственный пыл в нападках на Маатхасов за владение рекой Ашир и торговыми возможностями, которые она давала. А теперь принялись за старое. Вбили себе в головы, что правители Яса — рама́н и раману́ — на их стороне.

Шауты ударили по ближайшему к границе двух северян укреплению. Расположенный там отряд погиб почти полностью — уцелели лишь отправленные еще до начала схватки вестники. Когда гонец из атакованного гарнизона прибыл с сообщением, все Маатхасы протрезвели вмиг. Моментально развернули деятельность по организации и сбору войск. Блилежащим отрядам Яввузов Сабир приказал тоже немедленно выступать в сторону Лазурного танаара. Разослав вестников своим знаменосцам, Сабир дал Маатхасу слово помочь в войне. В намерении лично оценить ситуацию и переговорить с таном Махраном Сабир решил дожидаться выделенных им подкреплений и во главе них отправиться вслед за Сагромахом. Но в первую очередь, едва доставили депешу, Сабир отослал обратно в семейный чертог жену, детей и невестку — новоиспеченную жену Тахбира. Лидером отряда назначил Руссу. Дувал, как охранник семилетней танин Бансабиры, поехал с ними.

— Русса, — сказал Сабир в напутствие, — ты должен выжить и уберечь сестру, понял?

Бастард кивнул.

— Дай слово.

— Клянусь.

Тан ударил коня сына по крупу. Заскрипели повозки, везущие дам и маленькую девочку.

На этих тянущихся скарбах настояла Эдана Ниитас — Бану еще слишком маленькая, чтобы проделать такой громадный путь верхом. Не по силам детскому организму, к тому же девочке... Напрасно спорил с ней Сабир, отправляя в путь. И уж совсем бессмысленны были уговоры Руссы:

— Еще бастард не учил меня, как быть! — высокомерно отвергала женщина все его доводы.

Вражеский летучий отряд нагнал их через два дня. Дувала подстрелили первым. Он пал, выгнув спину, из которой крестообразным росчерком торчали две стрелы. Защитников тану и танин не хватало против сорока шаутских головорезов. В безумном хаосе и суматохе Русса сорвал с петель дверь повозки и заорал:

— Госпожа, быстрее, берите дочь и полезайте на коня! — Он держал поводья лошади одного из павших солдат.

— Брат, дай мне меч, я могу сражаться! — заявила девочка, взметнувшись из рук прижимавшей ее матери.

— Помолчи, Бану! — одернул бастард сестру.

Эдана медлила.

— Госпожа, умоляю, бегом!

Тану, пригнувшись, встала, таща за руку дочь. Но стоило ей высунуть голову из повозки, как просвистевшая в воздухе стрела вонзилась в горло. Конь под бастардом нервно дернулся. Русса обернулся в сторону атаковавшего — кто-то из своих кинулся на него.

— Мама! — заверещала Бану. Но захлебывающаяся кровью Эдана уже сползла на землю.

— Эй! — раздался голос одного из неприятелей. — Да это не лазурные ни разу! Это пурпурные!

— Тебе какая разница, — ответил ему кто-то, и вновь раздался лязг и крик.

— Госпожа, — позвал Русса сидевшую в повозке жену дяди Тахбира, о которой не вспомнил прежде, — полезайте на эту лошадь, скорее!

Молодая женщина покачала головой:

— Увози ее, Русса. Если хоть немного любишь сестру, увози ее домой! — Она усадила девочку Руссе в седло.

— Но, госпожа?.. — От такого решения юноша растерялся.

— Ну же! — раздался голос. — Шевелись!

Воины тана Сабира в схватке с врагом нещадно таяли.

Молодая женщина твердой рукой вытащила из-за кожаного пояса клинок.

— Да что ж вы делаете, танин?! — вскричал Русса.

— Увози сестру, дурень! — крикнула женщина и вогнала кинжал себе в сердце.

— Тетя! — позвала Бану.

Русса моргнул так, точно ослеп на мгновение. Потом приказал:

— Стоять до последнего!

Развернул коня и, накрыв содрогавшуюся сестренку собственной спиной, погнал скакуна, прижимаясь к гриве. Ужас расправы над последними сражающимися оставался позади. Шестеро мечников из алых погнались за Яввузами. В миле к западу от тракта начинался лес Цукхато. «Только бы дотянуть! — думал Русса, мча по бездорожью. — Только бы дотянуть!»

Враги нагоняли стремительно. Щелкнул кнут, и Русса — хвала Праматери! — успел

разжать объятия, вылетая из седла.

— Русса! — обернулась девочка в седле, натягивая поводья и останавливая гнедого.

— Бану, спасайся! — велел брат. Но девочка вытащила один из двух ножей у себя на поясе и без промаха метнула во врага, державшего кнут. Нож не долетел и половины расстояния, но враг отвлекся на движение. Руссе хватило этой драгоценной секунды, чтобы перехватить инициативу.

— Бансабира!!! — заорал он неистово. — Я велел тебе спастись!

Бастард в первую очередь рубил лошадей — пеший воин вдвое слабее конного. Девочка в седле, видя, как брат отбивается от врагов, отстегнула от седла лук и выпустила несколько стрел. Лишь один из скакунов громадным телом повалился на землю.

— Держи девчонку!

— Сестра, умоляю, СКОРЕЕ! За этим лесом на один дневной переход будет крепость Ширак, это знаменосцы отца! Ну же, СКАЧИ!

— БРАТ!

— БАНУ, ЖИВО!!!

И Бану машинально сдавила пятками бока коня, все еще на полном скаку оглядываясь на Руссу и крича:

— БРАТ! БРА-А-АТ!

На всю жизнь Бансабира запомнила страшную картину, когда четверо головорезов окружили Руссу стеной. И его надрывное «СЕСТРА!» тоже запомнила — бастард понял, что два неприятеля, которых они не успели лишить коней, погнались за девочкой.

На полном скаку закинула Бансабира за спину лук и отстегнутый колчан с десятком стрел. Влетела в лес. По тропкам, по недавним проталинам Бану петляла, уходя от преследователей, дышавших в спину. Наконец оторвалась от них и притаилась, уложив коня под раскидистыми ветвями, в высокой траве. Дождавшись, пока злодеев и след простынет, Бансабира выбралась из укрытия и помчалась назад, на помощь брату. Она летела сквозь лес, и ветки хлестали по лицу, заставляя закрывать глаза. Конь, казалось, обезумел.

«Богиня, Богиня-Мать, миленькая, прошу, умоляю, Праматерь, пожалуйста, помоги Руссе! Умоляю!» — только эта неустанная мысль билась в голове семилетней Бансабиры Яввуз, пока ветер свистел в ушах.

Добравшись до места недавней стычки, Бану почувствовала, как упало сердце: враг оставил за собой сплошной разгром. Бану мгновенно спешила и, зовя брата, принялась выискивать Руссу среди убитых. Может, он все еще жив. Некоторые были убиты более человечно, другие — с какой-то чудовищной жестокостью, с раздробленными черепами, перерезанными лицами, обрубленными конечностями. Разобрать, кто где, было невозможно. Не выдержав, Бану упала на колени, опорожнив желудок. В этот момент перепуганный и оставленный на собственное попечительство конь, заржав, пустился прочь.

— Стой! — прокричала Бану, зная, что толку не будет.

Утерла рот рукавом. Откопав среди трупов пару ножей с рукоятками из волчьей кости, двинулась дальше.

Только чудом и вмешательством самой Всеединой Матери можно было объяснить, как семилетний ребенок выжил в одиночку в течение четырех месяцев. Весь ужас скитания познала Бану в этот срок. Спала вполглаза, в обнимку с ножами. Семейный кинжал

старалась прятать — слишком приметный, из-за такого легко можно было расстаться с жизнью. Лук и колчан с десятком стрел снимала только на ночь. Выучилась двигаться тише, чем мыши, которых частенько доводилось есть. Приближалась зима, и оттого, что она не смогла за лето отыскать тракт, который привел бы ее домой, Бансабира решила на время покинуть север, где наверняка еще алела свежей кровью война. Девочка давно потеряла счет дням, но когда стало неуклонно холодать, пошла по теплomu следу остывающей осени, надеясь, что, возможно, если Праматерь позволит, ей удастся однажды прийти в Сиреневый дом тана Ниитаса, своего деда, и переждать зиму у него.

Бану отошала. Недостаток сил у нее нередко граничил с обмороком. Когда по дороге попадались леса, она могла от души наесться ранета и поздних ягод, так что отвыкший от многой еды живот потом долго крутило. Охотилась на рябчиков. Найденные на побоище два ножа вскоре пропали: один, по случайности, упал в кювет (Бану побоялась лезть за ним), другой, используя в реке как гарпун, девочка, промахнувшись и не рассчитав, по неосторожности ткнула в камень. Тонкое лезвие погнулось до такой степени, что проку от него больше не было.

Иногда бывало совсем трудно, и Бану ухитрялась держаться из последних сил, денно и ночью, как молитву, повторяя: «Я от крови волка, во мне волчья кровь» или: «Русса бы смог, Русса бы сумел, Русса бы справился, Русса бы нашел выход...» И, как всякая волчица, мало-помалу Бансабира выучилась владеть клыками.

Избегала людей на дорогах и в лесах. В самом начале она однажды добралась до какого-то небольшого поселения, однако никто здесь не мог сказать, куда держать путь до Ниитасов. Ее гнали отовсюду. Говорить же местным, кем является, Бансабира не торопилась: внутренний голос с сомнением подсказывал, что в огромном мире за пределами фамильного чертога это совсем не обязательно кому-то знать.

Пару раз девочка натыкалась на берегу какой-нибудь речки на смертельно раненного бойца или измученного схваткой зверя. Последнего, если мясо было еще не загнившим, пыталась есть. Бойцов — раненых и уже мертвых — не гнушаясь, осматривала и обыскивала. У кого-то находила воду или мех с терпким вином, у кого-то запасы дорожных сухарей или монеты. «К чему они мне? — думала девочка. Их ведь не съешь. Будешь идти — будут звенеть в кармане снятой с какого-то убитого мальчишки одежонки». А ей быть бы тише воды ниже травы. Приди она даже с одной такой монеткой в город и попытайся что-то купить, все начнут трясти ее — где тощий семилетний ребенок достал деньги и оружие? Кто такая? Откуда? Зачем? А получив ответы, как знать — убьют или передадут Шаутам? Может, конечно, повезет, за выкуп отвезут отцу, но только Богиня-Мать знает наверняка...

Впрочем, большинство полумертвых или почивших путников, которых встречала Бансабира, были уже обобраны своими победителями.

Однажды на заре октября девочка наткнулась на такого же едва живого бродягу с побелевшими губами. Она полагала, что он уже мертв, когда осторожно склонилась над ним. Но молодой мужчина был еще жив.

— Научись дышать еще тише, — сказал он, с трудом разлепляя глаза.

Девочка отпрыгнула почти на метр, быстро схватившись за нож. Мужчина только усмехнулся. Бану не понимала его реакции и только сильнее сжимала рукоятку вспотевшей ладошкой.

— Я все равно умру, девочка. Так что буду признателен тебе, если поможешь, — закашлялся он ненадолго. — Я бы предложил тебе сердце — ты ведь помнишь, где

сердце? — да доспех мешает. Вгони в шею слева, хорошо?

Бану ничего не говорила и не шевелилась.

— Только быстро. Не хочу мучиться дольше, чем уже промучился, — видя ее нерешительность, сердито прохрипел воин. — Ну же, чего стоишь? Сделай дело, удобное Старухе Нандане! Или ты не веришь в Праматерь?

— Верю, — невольно сорвалось с языка.

— Ну, так и будь хорошей девочкой, — мягче сказал раненый. — У меня осталось два золотых в кармане. В благодарность забереешь их и мой клинок.

— Почему, — спросила девочка, — их не забрал тот, кто нанес вам эти раны?

— Потому что он ранил меня, а я его убил. Одна беда — оружие тот червь смазал ядом. Ну, так что, поможешь мне?

Бансабира приблизилась.

— Храни тебя Мать, — с улыбкой простился смертник.

Бану выполнила последнюю волю умирающего. Из артерии, стихая, била горячая алая кровь. Совсем как знамя Шаутов, подумала девочка и потянулась за наградой. Стоило ей прикоснуться к мечу поблагодарившего ее воина, клинок с шумом упал на траву. Слишком тяжел. Ладно, Бану знала это, едва взглянула на меч.

Стрелы почти кончились, меча было не поднять. Вздыхнув, девочка поудобнее расположила фамильный кинжал, вцепившись ладошкой в рукоять.

Развернулась, пошла дальше.

На исходе октября девочка столкнулась с опасностью, преодолеть которую было выше ее маленьких семилетних сил.

Она достигла очередного городка и попыталась узнать, в какой стороне Сиреневый дом. Вместо ответа скользкий, как уж, обыватель приблизился, зарясь на инкрустированную рукоятку кинжала, торчащего за потертым поясом.

— И откуда это у такой оборванки, как ты, такой клинок, а? — Бану молчала. — Поди, украла у кого, девочка?

— Я не украла! — с горячностью выпатила «не».

— Ах, не украла! — протянул мужчина. — Тогда откуда он?

— Это не ваше дело! — огрызнулась девочка. Вокруг них начала собираться толпа.

— Да что ты? Ты на земле лавана Яхмада... ты ведь знаешь, кто такие лаваны?

Он что думает, Бану совсем дура?

— Конечно, знаю! Законоведы!

— Верно, лаваны хранят закон. А если ты украла эту вещицу, то мы, как подданные нашего лавана, должны чтить закон — изъять кинжал и наказать тебя. Верно, друзья? — осклабился, облизнулся.

Несколько мужиков загоготали.

— Это мое оружие! — оттолкнула девочка приблизившуюся голову наглого гада. — Дай мне короткий меч и дерись, если не боишься!

Поднялся общий хохот.

— А ты дерзкая!

— А ты хам! — Зеленые глаза зло горели. — Дерись со мной или отпусти!

— Грязная девка! — Мужчина схватил ее за предплечье. — Дай сюда, дрянь!

— Держи! — Бансабира рванула из-за пояса кинжал и вогнала обидчику в руку. Взревев,

тот свободной рукой со всей силы ударил девочку по лицу — раз, другой, третий... Носом пошла кровь, в глазах потемнело. Обессиленный, вымученный организм больше не желал бороться за эту никчемную жизнь.

— Сука! — Держась за руку, мужчина пнул Бану. Безвольное тело завозилось по земле, как мешок с тряпьем. — Сука! Су... — И упал навзничь со стрелой в горле.

— От девочки отойдите, — произнес чей-то спокойный голос со стальной хрипотцой. Мужики, лишённые веселья, возмущенно обернулись — дескать, кто это там такой смелый?

За зрителями на коне сидел молодой мужчина возрастом в четверть века. Его блестящие черные волосы до плеч оттеняли светложее лицо с глазами-льдинами. Густые брови стремительно разлетались от переносицы, как стрелы. Шерстяные штаны и короткий по здешнему обычаю кафтан — в блеклых пятнах дорожной пыли.

Аура исходившего от него ледяного спокойствия и силы внушала ужас. Манера, с которой незнакомец держался, напоминала гремучую змею, свернувшуюся восьмеркой перед броском и стрекочущую трещоткой. В серо-голубых глазах путника читалась какая-то уверенность в собственной богоизбранности. Наверное, он мог бы быть ангоратским жрецом из храма Богини Возмездия, но высокий светлый лоб был чист.

Путник нарочито медленно выудил из колчана еще одну стрелу, наблюдая, как щерятся жители городка.

— Шевельнитесь, — сказал мужчина на коне. — Дайте повод.

Мужчина проехал к лежащей девочке, рассекая скопившийся люд конем, как носом лодки озерную гладь. Убрал лук со стрелой, которую даже не пришлось прилаживать на тетиву. Спешиваться не стал.

— Подай ее мне, — сказал ближайшему горожанину. Тот поколебался, но подчинился. Всадник одной рукой подхватил девочку и перекинул через седло. Развернул скакуна, сделал движение головой, чтобы надоедливые зеваки расступились вновь, и покинул переулок.

Бансабира очнулась, лежа на шерстяном плаще на берегу какой-то речки в десяти верстах от покинутого города. Рядом разводил костер черноволосый незнакомец...

Девочка торопливо отползла от мужчины, сбивая ножками плащ. В глазах отражалась готовность бежать.

— А, очнулась, — взглянул он.

— Где мое оружие?

Незнакомец усмехнулся:

— А ты и впрямь дерзкая.

Девочка ничего не сказала.

— Твой кинжал и лук остались в том переулке.

Бансабира кивнула и вдруг, вспомнив происшедшее, схватилась ладошкой за нос. Мужчина с пониманием вздернул бровь:

— Кровь больше не идет. Я все вытер.

Бансабира молча отвела руку от лица и осмотрела ее. И впрямь чистая. Незнакомец хмыкнул.

— Вы кто? — опять зажала нос. Крови-то нет, а болит безбожно.

— Я? — переспросил мужчина. — У меня много имен, малышка. Ты можешь звать меня Гор.

Девочка промолчала. Мужчина поднялся у принявшегося костра, чувствуя, как в

маленьком теле неподалеку вновь нарастает страх.

— Ну а ты, девочка? Как мне тебя звать?

— А вам зачем? — спросил ребенок, и Гор расхохотался, запрокинув голову.

— Не смейтесь надо мной! — Зеленые глазки сузились.

Гор, взглянув на это личико, зашелся пуще прежнего.

— Не смейтесь! — вскочила девочка на ножки. — Или дайте мне клинок, если не боитесь!

Все еще смеясь, Гор встал и вытащил из-за пояса кинжал.

— Держи, — протянул он ей, точно это была не смертоносная сталь, а тряпичная кукла. Девочка замешкалась, но под пристальным взглядом серых глаз выхватила оружие и заняла позицию, упираясь в землю крепкими для ее лет ногами.

— Ну? — спросил Гор, выпрямившись. — Чего ждешь?

— Вы не достали оружия.

— Я дам тебе фору, нападай.

Выбора не было. Разбежалась, замахнулась, почувствовала пальцы мужчины на запястье. Сориентировавшись, Бану поняла, что вплотную стоит спиной к Гор и вверенное ей острие направлено на ее собственное горло. Мужчина надавил сильнее, и кинжал выпал из дрожащей девичьей руки.

— Как же плохо ты держишь то, что так сильно просила, — усмехнулся Гор и отпустил девочку.

— Как? — спросила Бану, обернувшись и потирая ноющую кисть. Гор подобрал кинжал и засунул обратно за пояс.

— Хочешь тоже так научиться?

Бану кивнула не моргая.

— Зачем? — Гор посерьезнел.

Решимость Бансабиры дрогнула, она отвела глаза.

— Ну же, — убеждал он ее, нарочито выказывая легкое раздражение, — скажи мне, девочка, зачем ты хочешь научиться так?

Бану продолжала молчать. Гор вновь опустился на землю, чтобы хоть немного уравнять их высоту, и посмотрел девочке в лицо.

— Хочешь кому-то отомстить? — спросил сам, не дождавшись ответа.

Услышав нужное слово, Бану откликнулась:

— Да.

— Кому?

— Ша... Шаутам.

— О, Алый дом. И кого они убили?

— Маму и брата.

— Ты видела как? — спросил Гор, отходя от девочки. Приблизился к седельной сумке, начал что-то искать.

— Угу.

— То-то ты так легко добила того парня на берегу Бенры... — Гор достал завернутое в льняную ткань вяленое мясо, вернулся к девочке и протянул ей. — На, поешь.

Бансабира не шелохнулась.

— Что вы сейчас сказали?

— Что ты довольно легко отняла жизнь у мальчика, который пообещал тебе пару

золотых и свой меч.

— Откуда вы знаете?

— Ну, учитывая, что именно я нанес ему те ранения, мне было интересно, как долго он протянет. Я тогда столкнулся с неизвестной мне змеей. Она походила на ядовитую, решил проверить — чего стоит ее яд, если я оказался прав. — Гор развернул ткань и принялся за еду. Глаза девочки хищно сверкнули при виде мяса. Проследив ее взгляд, мужчина почти незаметно улыбнулся. — Не стесняйся.

Бану сглотнула слюну, но к еде не притронулась.

— Вы не могли нанести ему тех ран. Воин сказал, что убил противника.

Сосредоточенно жуя, Гор пожал плечами:

— Иногда нужно уметь умирать для тех, кто хочет видеть нас мертвыми, и воскресать для тех, кто хочет, чтобы мы жили.

— Зачем? — не поняла Бану.

— Так ты узнаешь цену людям. И заодно избавляешься от тех, кто тебе до смерти надоел или просто не несет никакой ценности.

Бансабира протянула руку и взяла кусочек мяса. Она видимо напряглась, однако предпочла сначала дожевать, а потом спрашивать — вдруг придется бежать.

— Зачем вы стали преследовать меня? Вы тоже из Шаутов?

— Нет, девочка. Я не ясовец. Но, признаться, мне показалась занятной твоя живучесть. И твоя скорость — до сих пор помню, как ты отпрыгнула от того мальчика! — Он откупорил мех с разбавленным вином, отпил.

— И с тех пор вы шли за мной?

— Верно, смышленная моя. Или ты думала, я каждый день спасаю незнакомых девочек в переулках?

— Мм, — отрицательно покачала головой. — Но вы так и не сказали мне, зачем так поступили.

— Обещай, что ответишь на мои вопросы, если я отвечу на твой?

— Обещаю. — Она взяла еще мяса.

— Я — наставник Храма Даг, или, как его еще называют, Багрового храма. Слыхала о таком?

Детская память изыскала обрывки фраз из прошлого, брошенных кому-то ее отцом. Девочка кивнула.

— Слышала. Но не помню что.

Гор улыбнулся:

— Как наставник, я подумал, что мог бы многому научить такую, как ты. Каждый Клинок Богини ищет себе ученика, который его превзойдет. Глядя на тебя, я решил, что ты бы пришлась в Храме Даг к месту.

— И чему учат в вашем храме? Имейте в виду, писать и читать я уже умею.

«Слишком самоуверенна, чертовка», — подумал Гор, протягивая девочке мех. Она приняла питье.

— Убивать. Наказывать. Мстить.

Травянистого цвета глазенки вспыхнули. Победа была близка, Гор продолжил:

— У тебя хорошие задатки. Я мог бы сделать из тебя идеального воина. — «Убийцу», — сам себя поправил Гор мысленно. — Что скажешь?

Девочка задумалась, нахмутив лобик.

— Вы можете отвезти меня домой, если я попрошу? Вам хорошо заплатят.

Гор удивился, но виду не подал.

— Нет. У меня есть другие дела.

— Вам нужно найти в Ясе учеников?

Гор покачал головой:

— Нет. Ты встретилаась мне случайно, но, как всякий Клинок Богини, я знаю, что случайностей не бывает.

— Далеко до этого вашего Храма Даг?

— За месяц доберемся.

— Я смогу уйти из него, когда захочу?

Мужчина опять покачал головой:

— Только когда станешь Клинком Богини.

— Кем?

— Воином.

— Хорошо. — Девочка встала, вернув закупоренный мех. Маленькая, семилетняя, тощая, она смотрела на открывавшуюся им реку так, будто была по меньшей мере хозяйкой танаара. — Я поеду с вами, Гор.

Мужчина мысленно хохотал, глядя на этого высокомерного ребенка. А казалось бы, еще час назад была оборванка оборванкой. Да, она приживется в храме...

— Если прежде ответишь мне на вопрос. У нас ведь был уговор, помнишь.

Девочка, обернувшись, кивнула:

— Спрашивайте.

— Так откуда у тебя был тот роскошный кинжал из мирасийской стали?

— Я не украла! — прошипела она с новым огнем, «заняв стойку», как ошетилившаяся волчица.

— Я и не говорил, что ты украла, — смеясь, поднялся и Гор. — Я просто спросил, где ты его взяла.

Девочка справлялась с гневом, за который поглубже прятала страх.

— До-дома, — пробормотала она.

— Дома, говоришь... — Гор потянулся и пошел убирать остатки еды и питья обратно в сумку. — Да продав тот клинок, деревню купить можно. Что же у тебя за дом такой?

«Ему совсем не нужно это знать! — настойчиво проскандировал нравоучение внутренний голос. — Совсем не нужно! Не смей рта открывать!»

Гор расхохотался во все горло:

— Ты бы сейчас свое лицо видела, крошка! Видит Мать, до чего потешно!

— Не смейтесь надо мной, Гор!

— Ну, малышка, не тебе мне указывать. — Гор засыпал костер землей (зря разводил: здесь, на юге страны, осенью не холодно, да и спутница не выглядела продрогшей). — Так что насчет дома?

Девочка вскинула на спасителя ясные глаза:

— Тан Сабир Яввуз мой отец.

Гор подхватил ребенка на руки, усадил в седло, сел следом, подмечая, как уверенно девочка сидит и как по-свойски вцепилась в лук. Тронув коня, он наконец позволил глазам расшириться, а бровям поползти вверх. Эка же шутка Кровавой Матери, танин Яввуз!..

Через два дня они пошли через лес. Коня Гор держал шагом. Бансабира слышала мужские голоса в чаще недалеко от тропинки.

— И не говори, та пурпурная шляха знатно визжала! — загоготал один. Бану прислушалась.

— А то! — заржал еще кто-то. — Наш Юбо всем жеребцам жеребец!

— Эй, недоноски! Вы опять обсуждаете ту рыжую суку с пятном на лице? Хватит уже, жрите быстрее, и выдвигаемся!

Бансабира ловко выпрыгнула из седла и побежала на голоса.

— Яввуз! — негромко позвал ее Гор и развернул коня, осматриваясь. Нельзя же орать на весь лес — мало ли что тут. Бану исчезла в кустах. Не слышать даже.

— Вот дура, — в сердцах выругался Гор и спешил. Топот копыт неприятеля тоже наверняка услышат, а кто знает, сколько их там?

Через какое-то время до него донесся тот же голос, который велел всем есть.

— Эй, девочка! Тебе чего?

— Ого, — сказал еще кто-то, — страшная-то какая.

Четверо сидящих мужчин загоготали.

— У меня есть золотой, — проговорила Бансабира, — можно я у вас за него еды возьму?

— С какой стати? — огрызнулся главный в отряде.

— А золотой давай, — протянул тот, что сидел к Бану ближе всех. Он обернулся вполоборота, протягивая руку.

— Вот, держите. — Бану, приближаясь, протянула монету.

— Стой где стоишь, паскуда! — приказал командир отряда.

— Но он же сказал отдать ему золотой, — невинно пропела девочка и вложила металлический диск в грубую ладонь. Мужчина обернулся к своим (к Бану спиной), растекаясь в улыбке:

— Вот же дура, видали?

— Юбо! — вскинулись трое, но поздно — Бансабира уже вогнала ему нож промеж шейных позвонков. Вытащила и с черным смакованием всадила вновь. И еще, и еще. Зеленые глаза горели ненавистью.

— Тварь! — заорал лидер. — Держи малявку!

Мужчины повскакивали, кинулись на Бану. Вдруг блеснула сталь, и фонтаном вздыбилась горячая кровь убитого.

— А ты еще кто?!

Кто-то повернулся, чертыхнувшись на мешающий движению плащ, и прошелся острием по мягкому коженному доспеху. Удара хватило, чтобы и этот встречный пал. Третьего спаситель обошел сзади, колющим вогнал меч врагу в печень.

— Рука Праматери, — ответил Гор и четким движением повернул на себя левую руку, которой мгновение назад держал неприятеля за голову. — Во имя Матери, ты что творишь? — сердито посмотрел на девочку Гор.

Бансабира молчала, тяжело дыша. По беленьким детским ладошкам, одна из которых сжимала рукоять кинжала, каплями катилась кровь. Гор окинул ее взглядом со знанием дела.

— О ком они говорили?

— Тетя Фахруса, двоюродная сестра отца. Она одна была рыжей из всех Яввузов. И у нее на лице, под левым глазом, красный след от ожога. В семье ее называли «Поцелованная огнем», — ответила Бану, не сводя немигающих глаз с собственных рук. Гор кивнул:

— Откуда у тебя нож?

Девочка наконец подняла глаза и уставилась на мужчину:

— У тебя.

«Рука Праматери» помолчал с полминуты, потом изрек:

— В следующий раз предупреди меня, я помогу.

— Угу.

Когда двое вернулись к подвязанному коню, Гор бросил Бану тряпку, чтобы вытерла руки, и посоветовал привыкать носить перчатки. Когда вновь оказались в седле и вышли на сквозную через заросли тропу, девочка выговорила:

— Бансабира.

Вскоре Гор вместе с Бану поднимался по сходням корабля.

— Ты ведь ясовка и танин к тому же, — проговорил мужчина. — Моря не боишься?

Бану помотала головой:

— Я была в море, дважды, с братом.

— Плавать умеешь?

— Плавать все умеют, — авторитетно заявила девочка. Гор хмыкнул.

За четыре дня до восьмилетия Бану прибыла в Храм Даг. Перед тем как сойти на берег, Гор вновь спросил ее:

— Ты точно согласна стать моей ученицей, Бансабира? Хорошенько подумай, потому что в Багровый храм могут войти только трое: Клинок Богини, гость и раб.

Бану оглянулась — да, самое время сказать такое, когда вокруг сплошь океан. Ладно, в любом случае Гор ведь предлагает ей стать его ученицей, а значит, со временем Клинком Богини, так что терять нечего. Ради науки убивать поганых Шаутов она бы за этим Гором посреди зимы и к медведю в берлогу залезла.

Девочка кивнула:

— Я буду гостьей.

На одном из Бледных островов, расположенных посреди Великого моря, между Ясом на севере и Ласбарном на юге, среди лесов и покатых пустынных холмов высилась песочного цвета крепость Багрового храма с пяти круглых башнях шестиметровой высоты. Когда путники приблизились к ее высоким стенам, один из стражей на воротах склонился и громко произнес:

— У кого из вас есть право голоса?

— У того, кто служит Матери Сумерек, — так же громко ответил Гор, вскинув голову и улыбаясь.

— Как ты служишь Ей?

— Воздевая сталь!

— От кого ты получил свою?

— От того, кто известен в этих стенах как Мастер Ёшли!

— Что ты возьмешь здесь?

— То, что отдам!

— Открыть ворота! — приказал страж.

Конь ввез всадников внутрь обособленного от всего мира городка.

Бану плохо запомнила обстановку за неприступными стенами. Обычный небольшой

городок, показалось ей: военные склады, оружейни, пункты снабжения, как в комплексе главной крепости Пурпурного танаара. За ними обширный торговый квартал и без числа маленьких глиняных домиков. Солдатни и гарнизонных в этом районе поменьше, чем у главных ворот. Где-то с южной стороны мелькали, вздымаясь по холму, узкими полосками пашни. Наверняка и скот где-нибудь держат, подумала девочка.

Остров был крутобок: Бану все время чувствовала, как конь под ними то поднимается в горку, то идет под нее. Горожане — все равно, одеты они были как воины, купцы или ремесленники — смотрели на Гору с восхищением. Вежливо кланялись и здоровались и в целом выглядели дружелюбно. Но были и другие: в рубищах и отрепьях, со страшной крестообразной отметиной на левой щеке.

В центре острова высилась обширная по площади ступенчатая пирамида из четырех ярусов с высокими потолками. В каждом из этажей в стенах были сделаны стреловидные окна. Округлые люки в потолочном перекрытии в боковых коридорах напоминали глаза: порой были открыты, и в храм озорливо заглядывало солнце, делая очевидным все вокруг; порой смеживались, и храм погружался в ночь, теряя все очертания.

Чем глубже внутри пирамиды находились комнаты, тем хуже становилось освещение. Только в центре верхнего этажа царствовало сияние — то солнечное, то лунное, то звездное: громадный каменный люк в крыше управлялся тяжелыми рычагами, которые тянули закованные в цепи рабы. Когда люк открывали по случаю тренировок или испытаний для обучавшихся, арена под ним — большая зала с расставленными по периметру на разных уровнях скамьями для зрителей — казалась святилищем.

«Багровый храм», — поняла девочка, когда Гор остановил коня у парадного входа с небольшой лестницей. Мужчина снял девочку с седла и пошел внутрь здания, молча требуя следовать за ним. И едва та перешагнула порог, оказавшись в полумраке древнего, возведенного из крупных блоков помещения, как в глазах померкло.

«Пристанище», — пронеслось в голове, и ноги подкосились. Когда Гор обернулся, девочка уже лежала без чувств.

Гор вздохнул, закинул ребенка на плечо, как мешок, и пошел в кабинет одного из старейшин храма.

— Мастер Ишли, да будет милостива к вам Мать Сумерек, можно? — спросил он мужчину, прожившего по меньшей мере полвека, с поседевшими висками, потрепанными нервами и ясными ореховыми глазами. Половина правого уха отсутствовала, нос был сломан уже дважды. Окликнутый мужчина обернулся к Гору, поднялся и произнес:

— А, Тиглат, ты вернулся. Да будет Кровавая Мать Сумерек на твоей стороне, проходи. Все успешно?

— Все хорошо, я все сделал, — ответил Гор. Когда он проходил мимо Ишли, последний в очередной раз засмеялся:

— Слушай, это ты все еще растешь или я уже ссыхаюсь от старости? Прежде я доставал тебе почти до подбородка.

— Вы и сейчас достаете, — ответил Змей. — Мои не шалили?

— Нет, все смирно. Ими занимается Ирэн.

Гор, он же Тиглат, кивнул — хорошо.

— Новенький? — спросил Ишли, подбородком указав на ношу Гора.

— Да, подобрал в Ясе.

— Понятно. — Ишли обошел Гору, поглядывая на Бану с разных углов. — Экий тощий

мальчонка. Талантлив?

— Живучая и шустрая.

— Девица? А по ней и не скажешь.

— Точно. Куда поселить?

— В третьем подземелье еще есть свободные комнаты.

— Пойду отнесу, — взглядом указал на Бану. — Придется о ней позаботиться, пока не встанет. До начала обучения она считается гостем.

Бану открыла глаза через пару дней. Вокруг было довольно темно. С непривычки девочка с трудом различала очертания предметов.

— Где я? — спросила она у сидящего рядом Гора.

— Это твоя комната. Раз уж ты проснулась, поешь.

Комната напомнила Бансабуре семейный склеп Яввузов — мрачно, без света, немного сыро. Одна разница — залы в танском склепе огромны, а в ее комнатке едва можно развернуться. Кроме кровати здесь была тумба и два стула. Хотя второй явно был лишним.

Гор принес еды. В следующие семь дней он выхаживал Бану. Примерно тогда девочка поняла, что не за горами зимнее солнцестояние, а значит, ей уже восемь. За это время ни разу Гор не позволил девочке выйти из комнаты дальше, чем по нужде, и ни одного человека она не видела, кроме него.

«Да и слава богам», — думал ребенок. Кого ей еще надо, если наставник оказался не только прекрасным воином, но и заботливым опекуном? И к тому же есть кров над головой, какая-никакая одежда на тумбе и, главное, тушенная утка — в животике...

На восьмой день ее пребывания все изменилось.

Вместо любезного приветствия Гор, ворвавшись в комнату, проговорил:

— Да будет милостива к тебе Мать Сумерек! — с грохотом швырнул к подножию кровати железо. — Вставай!

Девочка сладко потянулась.

— Го-о-ор, — зевнула она.

— Я сказал встать! — рывком скинул он ее с кровати своей огромной лапой. Перепуганный ребенок вскинул глаза. — Бери! — велел. — Пошли.

Девочка, собравшись, встала на ноги, насупилась и уставилась на мужчину.

— Нет.

Гор, уже успевший отвернуться к двери, даже дар речи потерял. Он обернулся через плечо, молча спрашивая взглядом и отвисшей челюстью: «Что?»

Бансабира сглотнула ком ужаса.

— Не пойду, пока не скажешь, куда и зачем, — заявила она, стараясь выглядеть куда смелее, чем была.

Гор мысленно хмыкнул: неужели уважительное обращение на «вы» кончилось так быстро? Танская дочка — привыкла приказывать!

Спесь придется сбивать, порешил Гор. Подошел к девочке, навис над ней тенью судьбы, оценивающе ощупал девчонку взглядом. Потом сам наклонился за оружием, впихнул в руки Бану и за шиворот потащил к выходу.

— Это был последний раз, когда вместо исполнения приказа ты задала вопрос. Запомни.

Бану попыталась вывернуться — и тут же отхватила такой тяжелый подзатыльник, что зазвенело в голове.

Гор коротко скосил на ребенка взгляд: кажется, в растерянности. Оно и к лучшему, меньше будет болтать. Бансабира и впрямь притихла и, поскольку Гор прибавил шагу, тоже ускорила, хотя нет-нет да немного ее вело.

— Куда мы идем, Гор? — спросила девочка, когда в тягостном молчании они миновали первый коридор.

Мужчина резко затормозил, выдохнул, обернулся:

— Неужели такая дура? Я говорю идти — ты идешь, а не спрашиваешь. — И, контролируя силу, с размаха ударил девочку по лицу. — Теперь стало яснее?

У Бану краснела щека и дрожали губы. Она растерянно глядела себе под ноги.

— Теперь стало яснее? — с нажимом повторил Гор.

Бану кивнула. Первый и последний раз ей пришлось объяснять дважды.

Они выбрались с третьего уровня подземелий и стали продвигаться по боковым коридорам и лестницам основного четырехступенчатого пирамидального здания. Чем выше они оказывались, тем громче становились доносившиеся отовсюду лязг и брань и тем тише были затяжные стоны.

Потеряв счет пролетам, так что ослабшие за дни беспамятства ноги успели занять, девочка наконец осознала, что Гор привел ее в какое-то небольшое помещение со слабым освещением одного маленького круглого окна под потолком. Схватил грубо за светлую косу до лопаток и бросил в середину комнаты. Встав напротив, достал кинжал:

— Начнем с азов...

Через полчаса Бану едва держалась на ногах. Гор стоял напротив и улыбался:

— Чего дрожишь как осиновый лист? Ты сюда не за этим пришла! А еще говорила, что делала успехи, бестолочь...

— Я не бесто...

Подлетел и вновь ударил так, что девочка упала на пол:

— Я не задавал вопроса и не спрашивал твоего мнения.

— Мастер Тиглат, — в комнату вбежал долговязый темноволосый юноша, — в кузне готово все, просили передать.

— Спасибо, Астароше.

Гор грубо схватил Бансабиру за руку и потащил за собой через длиннющие коридоры. Через какое-то время наставник завел ее в пристройку к зданию — кузницу. Здешние громадные мужчины кивнули в сторону двери. Гор вновь поймал Бану за шиворот, проволока и, захлопнув тяжелую старую дверь, бросил на пол небольшой коморки с камином. Из пляшущего огня торчал железный прут толщиной в палец.

— Раздевайся, — велел Гор.

Бану только судорожнее вцепилась в собственную сорочку. Гор взбеленился в своей бесстрастной манере — подошел вплотную и одним уверенным рывком разодрал рубаху. Дернул, пытаясь оголить левую руку ребенка.

— Живее выпутывайся! — прогремел он.

Почти голая девочка не заметила, как начала плакать. Схватив лежавшее поверх камина тряпье, Гор намотал его на руку и вынул железо из огня.

— Иди сюда!

Девочка отбежала в сторону.

— Я велел подойти, а не отойти, мелкая дура!

Гор настиг Бану в два громадных шага, схватил за правую руку, завалил на пол, придавил коленом и выжег клеймо на левом плече.

Девочка завизжала. В глазах опять потемнело, вопль стих...

Через две недели чудовищный волдырь сошел. На руке восьмилетней Бансабиры красовался уродливый шрам, напоминавший вздернутую острием вверх саблю. А в левом ухе — бронзовая серьга, на которой мелкими буквами выгравировано «Тиглат»...

Девочка быстро узнала мир Багрового храма, и совсем скоро и без того привыкшие к мечу и поводьям ручки покрылись новыми мозолями. Она драила помещения, таскала воду, собирала и готовила еду, лазала по деревьям за фруктами, прислуживала Гору, жрецам, Мастерам-наставникам, помогала в работе рабам и упражнялась по восемь часов в сутки, пока суставы и мышцы не начинали отказывать. Училась растягиваться, разрабатывала гибкость. На сон ученикам до третьего года включительно отводили шесть часов солнечного зенита, так что свет Праматери доводилось видеть только на занятиях по языкам, географии, истории. Правда, у первоодок всего такого еще не было... Зато были тренировки в воинском мастерстве, которые Гор, как, видимо, и другие наставники, начинал в полночь.

Тренировки казались Бансабуре бесконечными.

Почти сразу Бану оценила пошитую для нее тренировочную форму — черные штаны в обтяжку и укороченная туника до бедер с горловиной были сделаны из удивительно мягкой ткани, не стеснявшей движений. Первый раз Бану растерялась: от чего вообще может спасти в бою такая одежда — рукава короткие, ткань мягкая, даже область живота не защищена какой-нибудь кожаной вставкой. Ладно вставкой — Бану даже пуговицы ни одной не нашла! С такой тряпицей Гор быстро отправит ее на тот свет, поняла девчонка. Но выбирать с тех пор, как ступила в Храм Даг, Бансабуре было не из чего.

К форме прилагалась вторая рубашка — с длинными узкими рукавами, а также широкие и узкие пояса с ножнами, доспех-безрукавка из кожи тончайшей выделки. Обе пары сапожек — одни почти до колена, другие до щиколоток — тоже отличались предельным удобством. «Твое тело не должно обременять тебя, когда ты сражаешься», — проговорил Гор однажды и был прав.

В первые же недели Бану познакомилась с другими учениками Гора. Мальчики отнеслись к ней враждебно. Бану не отставала...

Видеть учеников других Мастеров и самих наставников разрешалось только со второго года, когда новички, сдав первый экзамен, допускались к ежедневной вечерней молитве в честь Матери Сумерек и совместным тренировкам. Тогда же началось изучение культа Шиады и двух языков, на которых когда-то давно сложился этот культ. По три дня в неделю требовалось говорить либо на древнем ангоратском наречии, либо на ласбарнском диалекте, оставшемся в памяти людей с тех времен, когда Ласбарн еще был империей. И только по четвергам разговоры велись на общем языке Этана. Тогда Бансабуре впервые показалось, что она может лишиться рассудка; мысли отрезать себе язык начали нет-нет да и закрадываться в ее девятилетнюю голову...

В ее девять Гор, который, как выяснилось, именовался также как Тиглат и Хртах, впервые отвел Бансабиру в залу наград, расположенную на четвертом этаже основного здания храма и имевшую анфиладное сообщение еще с несколькими комнатами. Здесь, у дальней стены, была установлена деревянная доска, завешанная неисчислимым множеством пергаментов, на каждом из которых значилось по три строчки и под каждым из которых к доске был прикреплен бронзовый знак с витиеватым таинственным узором.

Присмотревшись, Бансабира насчитала с десятков многократно повторенных рисунков. На другой день Гор заявил, что она должна научиться рисовать их сама.

В тот день после службы Матери Сумерек по дороге обратно в жилищные подземелья Бансабира разговорила с Астароше, тем самым юношей, когда-то принесшим весть, что для ее клеймения все готово. В этом году Астароше — долговязый, сухощавый и жилистый, как саксаул, шатен с черными глазами — окончил семилетнее обучение. Они с Бану быстро подружились, когда Гор допустил девочку до ежевечерних молитв. Женщин в Багровом храме было меньше, они бросались в глаза. Астароше проявил интерес первым. И когда девочка спросила старшего товарища о причинах его любопытства, Астароше ответил:

— Никогда бы не подумал, что Тиглат Тяжелый Меч может взять на воспитание девочку. — Парень повел плечом.

— Почему? — тихонько спросила Бансабира.

— Ты уже была в ранговой комнате?

— Где?

— В зале наград.

— А, ага, была.

— Видела знаки?

— Угу.

— А надписи читала?

— Нет.

— Так вот почитай. В этом зале над соответствующими символами написаны имена тех, кто достиг вершин боевого мастерства и удостоился места в первой десятке.

— В первой десятке?

— Бану, спроси Гора, он расскажет подробнее.

— Расскажи ты.

Юноша кивнул:

— Ладно. Всего среди Клинок Богини существует сорок восемь рангов. Требования для получения каждого вполне четкие — определенные боевые навыки и умения. В каждом пятилетнем поколении эти ранги присваиваются отдельно, поэтому в храме одновременно может быть пять восьмых номеров или, скажем, десять шестнадцатых. Чем ближе Клинок Матери Сумерек подбирается к первой строчке, тем больший отрыв разделяет его и ближайший меньший номер.

Бансабира слушала жадно, мотая на ус.

— Продвинуться в пределах номеров с сорок восьмого до тридцатого в конечном счете нетрудно. Продвигаться в третьей и второй десятках сложнее. Оказаться в первой, — глаза парня засветились огнем, — значит стать во всеуслышание признанным мастером клинка. Попасть в первую пятерку невозможно после семи лет обучения, номера выше шестого присваиваются зачастую спустя много лет после окончания курса и, как правило, не чаще чем раз в несколько поколений. Получить хотя бы пятый номер означает сделаться больше, чем человеком, сделаться истинным Клинком Шиады, Рукой Праматери.

— А какой у тебя ранг?

— После семи лет обучения мне присудили семнадцатый, — сообщил он с гордостью. Видимо, это было хорошо. Девочка кивнула в знак понимания.

— Ну а что из тобой рассказанного объясняет, почему Гор не должен учить девочек?

Они свернули с лестничного пролета в коридор первого подземелья.

— На сегодняшний день в Багровом храме пять первых номеров: Мастер Фатайр, получивший свой ранг уже за сорок, Мастер Салазар из сто первого поколения, его ученица Ирэн Безлика (говорят, она получила первый ранг через восемь лет после окончания), престарелый Мастер Вахзи из девяносто восьмого, уже без одной ноги, и Тиглат Тяжелый Меч, или, как его называешь ты, Гор. Как бы тебе объяснить, Бану, Тиглат превзошел их всех, несмотря на одинаковое место — он получил первый ранг день в день с окончанием обучения, в восемнадцать лет.

— В восемнадцать?! — Девочка вытянулась в лице.

— ...Что делает его, по сути, богоизбранным борцом даже в наших рядах, — закончил Астароше. Юноша довел Бану до комнаты. — Поэтому его решение учить девочку — все-таки, согласись, в общем вы слабее нас — было неожиданным. Так что старайся лучше, Бану, — улыбнулся он на прощанье и, обняв, поцеловал ее волосы.

С того часа, ненавидя Гора всем сердцем, Бану начала упражняться до кровавой рвоты.

К десяти годам на теле Бансабиры было одиннадцать шрамов от швов — тренировки не проходили бесследно. Каждое из нанесенных им ранений Гор зашил сам...

К этому времени она выучила поименно всех мастеров — наставников Храма Даг — и всех учеников своего и соседних поколений. Тогда же, в десять, когда ангоратский и ласбарнский уже перестали быть столь пугающими, начала учиться маскировке, слежке, лицедейству. Узнала обо всех правящих семьях в странах, поклоняющихся Праматери, их обычаи, нравы, моду. Теперь не то что спать, казалось, даже есть было некогда.

В одиннадцать впервые по приказу Гора в числе отряда вышла патрулировать город. С тех пор ночное патрулирование сделалось ее самой регулярной обязанностью. Во время патруля она впервые услышала душераздирающие женские крики о помощи.

«Насилуют», — поняла девочка. Прежде она только слышала об этом, не до конца понимая, а теперь и вопросов не возникало. С нарушителем спокойствия разговор был короток.

Весной того года Гор позволил ей выходить на улицу днем, по разным делам и поручениям. Таковых было много особенно в торговом квартале. «Время и золото требуют опытных рук, — неустанно твердил ей наставник. — Учись!» И она училась. Быстро находила общий язык с горожанами. Слишком мелкая для третьегодки девочка вызывала умиление у женщин и интерес у мужчин. Вопреки ожиданиям, выйдя в городок Храма Даг, Бану обнаружила там радушие. Правда, оно не спасало: за каждый просчет, неудачу или ошибку все одно ожидало суровое взыскание от наставника. Гор, как показало время, из себя выходил легко.

В мае того года Бану предстоял второй тяжелый экзамен. Начиная с этого испытания, сказал ей Гор, в качестве зрителей допускаются все желающие горожане. Бану кивнула — ей какое дело? Третьегодков в тот раз было восемь человек, и они состязались между собой в разных парах с копьем, короткими мечами, двуручным, кинжалами, саблями. В финале каждому испытуемому предстояло сражение с Клинком Богини из второй десятки. Ее противником на огромной круглой арене — сегодня девочка первый раз оказалась в этом месте — стал Астароше.

— Да направит наши умы и руки Кровавая Мать Сумерек! — проговорили одновременно Бану и Астароше... Спустя четверть часа юноша, улыбаясь, поднял ее с лопаток.

Девочке бесспорно присудили двадцать шестой ранг. В одиннадцать-то лет?!

После того успеха, когда раны зажили, Гор заявил, что настало время отучаться бояться стихии. Погрузил девочку в лодку, вышел в море, держась береговой линии. С присуждением ей двадцать шестого ранга Гор стал как будто мягче и добрее.

Сидя в лодке и наблюдая за наставником, Бану не задавала вопросов. Они наловили немного рыбы, молча посмотрели на закат. Наступила ночь, стало холодно. Гор принялся рассказывать о созвездиях. Потом неожиданно попросил достать воды из сумки, что у Бану за спиной. Девочка потянулась, а мужчина, несильно ударив веслом, вышиб ее из лодки. Вернулся на остров без ученицы. Бансабира, дрожащая от холода и голода, приплелась в Храм Даг только утром...

Гор продолжил тренировки как ни в чем не бывало, теперь чередуя два дня занятий в подземельях с одним днем на солнце. На той же неделе увел девочку на конюшни, вывел одного коня на пустырь в северной части острова, оседлал его и пустил по кругу, оставив Бансабиру с луком в руках.

— Будь готова! — прокричал ей всадник, продолжая кружить. Бану приладила стрелу.

Гор взметнул яблоко. Звон тетивы — и пронзенный фрукт рухнул на землю, разбившись.

Девочка усмехнулась. Гор подкинул еще шесть яблок подряд. Бану прострелила все.

— Неплохо. — Гор слез с коня.

— Ничего удивительного, — ответила девочка. В темноте-то она уже три года училась делать нечто подобное.

Настало время научиться владеть луком, мечом и подходящим по размерам, но все равно тяжелым копьем наперевес, сидя верхом. Это был новый этап обучения. Бану не протестовала. А когда становилось совсем невыносимо, когда все тело сводило от судорог, она терпеливо разминала мышцы и все равно поднималась. Оттачивая мастерство, как заклинание вдалбливала самой себе то на всеобщем, то на ангоратском, то на ласбарнском:

— За маму, — выпад, — за папу, — подсечка, — за Руссу, — замах, — за смерть всех Шаутов, — удар ногой с разворота, — за Руссу, — удар коленом и локтем, — Русса бы смог, — захват, — Русса бы нашел силы, — бросок...

Вместе с тем, какой бы Гор ни был сволочью, после первых трех лет жить Бансабуре стало пусть немного, но легче. Более того, благодаря патрулю и другим групповым заданиям у нее появились друзья — стройный красавец Астароше, невысокая огненноволосая Аннамара с васильковыми глазами, невысокий и неприметный сероглазый Рамир и ближе других — Шавна, ученица Ирэн Безликой. В ней было по меньшей мере пять футов и семь дюймов роста; блестящие черные волосы до плеч, всегда собранные в хвост, и миндалевидные аметистовые глаза над выдающимися широкими скулами выдавали ласбарнские корни Шавны. С Бансабирой их разделяло четыре года, и разница чувствовалась сильно — по телосложению, привычкам, предпочтениям, даже в манере надевать, казалось бы, одинаково пошитую форму. Аннамаре тогда было уже семнадцать, а Астароше почти девятнадцать, и много выпало совместных заданий на их отряд, возглавляемый Рамиром, одним из учеников Мастера Фатаира. Он почти год был неизменным лидером группы и девятым номером сто шестого поколения.

В это время Сурха, ученик Гора, умер от ран, которые нанес ему разгневанный до белого каления наставник.

Когда Бансабире исполнилось двенадцать, характер ее обучения переменился. Теперь в числе того или иного отряда, лидером которого всегда безусловно считался тот, чей номер был наименьшим, она стала не только патрулировать улицы города в ночное время, но и гоняться за пиратами. Каждые два месяца выходила в море карательная бирема или дромон, отгонявший от берегов храма пиратов и привозивший рабов из их числа. В двенадцать с половиной впервые углубилась на восток, за Бледные острова. За три месяца до тринадцати Гор взял ее в путешествие по Ласбарну.

Так первый раз в жизни Бану оказалась в пустыне. Впервые вскарабкалась на верблюда, впервые замотала лицо от угрожающего знойного ветра, впервые ела соленых сырых и едва поджаренных змей, впервые увидела каракуртовое гнездо и песчаную бурю, впервые с тех времен, когда скиталась по Ясу, умирала от жажды. Впервые почувствовала, как впиваются в тело ядовитые клыки гадюк...

Гор не дал ей умереть и тогда.

По возвращении домой девочка прошла еще один экзамен-испытание в паре с Габии, уже три года как отучившейся ученицей Мастера Ишли, имевшей восемнадцатый ранг. Бансабире присудили шестнадцатый.

В тот день очередного успеха в жизни Бансабиры случилось две вещи. Во-первых, о ней стали говорить, что она идет вперед семимильными шагами и что она наверняка дочь самой Богини Возмездия. А во-вторых, Бану поняла — она умирает. Девочка давно знала, что ничем хорошим не кончатся эти бесконечные тренировки, побои, каторжная работа, голод и недосып. Ничем хорошим не кончатся! И оказалась права — у нее открылось кровотечение в самом неожиданном месте! «Дрянь дело!» — думала девочка. Скажи она, что настолько расклеилась, Гору — наставник опять посмеется (он всегда деловито усмехался, когда Бану корчилась от боли) и отвесит тумачков. Но делать-то что-то надо!

Девочка, едва выдалась свободная минута, побежала к Шавне. Зашла в комнату — в отличие от самой Бану и всех тех, кто еще проходил основной, пятилетний курс обучения, Шавна жила в немного более светлом и просторном помещении, расположенном на первом этаже основного здания храма. Шестнадцатилетняя брюнетка доучивалась уже седьмой год и усиленно тогда готовилась к решающему состязанию. При виде Бансабиры ее светлокоее, обычно бесстрастное лицо всегда прояснялось, а в аметистовых глазах появлялась теплота.

— Привет, родная, — встретила Шавна подругу. — Что стряслось?

Паника, охватившая Бану, не укрылась от девушки.

— Шавна, — задыхаясь от сдерживаемых слез, обратилась Бану, — Шавна, миленькая... я умираю!

Шавна нахмурилась.

— Умираешь? Что ты такое говоришь, Бану? В чем дело?

Бансабира молчала, подавляя всхлипы.

— Это Гор опять разошелся? Бану, объясни толком.

— У... у меня кровь...

Бансабира объяснила симптомы в двух словах. Шавна расхохоталась. Отпустила руки Бану, подошла к сундучку в своей комнате, достала тонкую светлую ткань-сетку из льна.

— На, держи, будешь пользоваться этим.

Бансабира недоуменно уставилась на подругу, принимая дар.

— Как, Шавна?

Как эта чертова тряпка поможет ей спастись от кровотечения?! В таком месте жгутом

ничего не перетянешь!

— Бану, успокойся, — примирительно сказала Шавна, все еще хихикая. — Будешь мучиться с этим теперь каждый месяц. Но иначе никак.

Бану спрашивала что-то еще, долго, настойчиво. Шавна ее научила.

В октябре того года Гор вновь отправил Бану в Ласбарн для заключения сделки с работоторговцами.

— И помни, время и золото требуют опытных рук, — напутствовал Гор. — Так что постарайся.

Девочка кивнула и пошла по сходам.

В их отряде было четыре человека, командиром для подобных кампаний всегда назначался воин из первой десятки. На этот раз это был двадцатилетний Шухран, номер девятый, последний ученик Мастера Салазара. Следом шла Бансабира с ее шестнадцатым местом и еще двое юношей рангом ниже двадцатого. Отряд выглядел, мягко говоря, странно, но дело свое сделал — привез в Багровый храм и деньги, и рабов. Как бы все эти купчие в Ласбарне ни пытались подтрунивать над двенадцатилетней девочкой. Один был даже настолько смел, что потянул к ней свои смуглые руки. Девочка оказалась быстра и мгновение спустя стояла за его спиной, прижимая к шее хама, под самым ухом, сверкающее лезвие. Где был нож еще секундой раньше, никто не знал.

Шухран хмыкнул, глядя на этих двух. Бансабира действует красиво. Он бы даже сказал, изящно...

Лидер отряда поведал об увиденном старейшинам храма — мастерам с номерами в первой тройке.

— Ну что ж, Гор, — сказал Ишли. — Если ты не изуродуешь ее своей наукой, то когда-нибудь девочка обставит и тебя.

— Сомневаюсь, — сухо ответил Гор.

Через две недели Шавна закончила свой седьмой год и по прошествии кровавого состязания получила девятнадцатый ранг. Ее наставница, Ирэн Безликая, явно гордилась:

— Пойдешь по моим стопам, девочка. Я точно так же после семи лет приземлилась на девятнадцатое место.

Бану с равнодушного разрешения Гора выходила Шавну после ранений — в соперники ей на этот экзамен Ирэн Безликая выбрала Манту Милосердного, шестой номер из сто четвертого поколения, который прославился тем, что перед убийством пережимал жертве сонную артерию. Это на несколько мгновений погружало в беспамятство, и когда смертнику перерезали горло, боль, как правило, была не такой обжигающей.

Когда Шавна Трехрукая поправилась, началась зима. С ее первыми числами Бану исполнилось тринадцать.

Все время до зимнего солнцестояния Бансабира посвятила улучшению найденной ею техники убийства.

Гор с темным, почти демоническим удовольствием наблюдал, с каким самозабвением юная девушка упражняется днем и ночью, отрабатывая удары; с каким остервенением загоняет коня; с какой яростью и ненавистью в глазах тренируется в паре с кем-то из друзей (чаще всего с Шавной или Астароше) и с какой заботой потом зашивает их раны, а они — ее. Наблюдал, как Бану крепла, росла, оформлялась; насколько прямо и решительна становилась в действиях и словах. С тщательно скрываемой гордостью Тиглат Тяжелый Меч подмечал,

что день ото дня Бану делалась все гибче и гибче, быстрее и быстрее. Крупное, уверенное сложение северянки тайным образом не препятствовало ни скорости, ни ловкости.

В зимний Нэлейм, декабрьское солнцестояние, Бансабира выдержала предпоследний перед окончанием пятилетнего курса обучения экзамен. Первая его часть прошла ночью на улице, верхом, с коротким мечом. Потом было конное состязание с луком. Задача проста — подстрелить двенадцать голубей из двенадцати... Потом — главный зал испытаний, расположенный в самой верхней части храма-пирамиды, и еще три поединка: с копьем, двуручным мечом и вольный — с произвольным выбором оружия. Последнего Бану ждала особенно...

С небрежной грацией, которая не могла обмануть проницательных Клинков Богини, девушка летала вокруг своего противника, обладавшего двенадцатым рангом. Тогда Гор впервые увидел, *кого* именно он воспитал.

Бансабира наслаждалась. Быстро поняв свое превосходство над соперником, она теперь смаковала каждый выпад, удар, толчок. Полагаться на одни ножи смысла не имело: Бану давно поняла, что нож — в буквальном смысле дело последнее, и потому на начало вооружилась двумя короткими мечами. Она выработала эту технику тогда, в Ласбарне: изучать и оценивать противника на мечах, прикинув сильные и слабые стороны, создавать условия победы, потом подбираться ближе — и, если ситуация позволяет, самое главное оставлять ножу.

Ножи подходили идеально для последнего удара по одной причине: испытать упоение опасностью, оказаться на самом острие гибели и выжить — Бансабира могла позволить себе только так. Сходиться на ножах с самого начала — значит умереть глупой смертью. Но и отказаться от них девушка не могла с тех пор, как осознала собственную ловкость. И если ты хочешь быть еще быстрее и еще ловчее — клинок нужен мелкий. Нет такого мастерства, которое позволило бы орудовать мечом с той же скоростью и сноровкой, что и ножом. К тому же, проворно управляясь с мечом, можно хотя бы изредка зацепить двух противников, а с ножом — что ни делай, с одного удара одного и ранишь. Потому от скорости и точности этого одного зависит все.

После победы девушке присудили одиннадцатый ранг. Астароше, который в ту пору был уже седьмым, искренне поздравил Бану, закружил в воздухе, а остановившись, изрек:

— Это было невероятно, честное слово! Так легко, так изящно!

— Ага! — поддержал еще один из учеников. — Воистину Бансабира Изящная!

Прозвище закрепилось.

Весной в Храм Даг пришел запрос с Яшмового острова, одного из Бледных островов. У них разыгрался серьезный конфликт с Перламутровым, и пока эти новости не достигли великодержавного Яса, сюзерена архипелага, вмешательства и помощи просили в Багровом храме. Нет, не справедливость им нужна, уточнили посланцы, а просто победа.

Эту кампанию возглавил сам легендарный Тиглат Тяжелый Меч. Он взял с собой пятнадцать человек — общим счетом четыре отряда. Бансабаре впервые доверили командование одной из групп.

В ходе миссии Бану уже в третий раз в жизни укусила змея, на сей раз морская. Девушка выжила и быстро восстановилась. Во время первой высадки на Перламутровом острове из шестнадцати человек погибло четверо, во время второй — еще трое. Оба раза отряды угодили

в засаду. Во второй Гор и его людям удалось отбиться и захватить в плен нападавших из числа командиров. Вернувшись на оснащенные десятками рабов галеры, Тиглат одного бросил в трюм, другого, быстро прикинув обстановку, потащил к каюте ученицы. Ввалился в комнатку и толкнул пленного на пол.

— Он знает планы Перламутровых! Добудь! Мне не до того.

Хлопнув дверью, он вылетел на палубу. Надвигалась буря, надо было готовиться.

Напрасно обрадовался своей удаче плененный островитянин, когда увидел перед собой тринадцатилетнего подростка. Еще и девушку. Превозмогая отвращение к себе, Бансабира выпытала все, что нужно. В следующей сходке на берег не погиб никто.

Всех мужчин семьи наместника безжалостно вырезали. Перламутровые резко присмирели. Конфликт был «улажен». На корабле, без спроса зайдя в каюту наставника, Бансабира выплюнула на голову того тысячи проклятий, поклявшись, что больше никогда — никогда! — не станет пытаться людей. Гор только ухмыльнулся — надо же, как дрожат ее руки.

Перед тем как вернуться в Багровый храм, Гор, оставив при себе только Бансабиру, высадился в Гавани Теней — столице Яса. Что за дела привели его сюда — Бану не знала. Гор что-то коротко объяснил в двух фразах, Бансабира не слушала — все равно. Наставник держался отчасти бесстрастно, отчасти насмешливо, как всегда, но исподтишка постоянно наблюдал за ученицей. Девушка совсем не походила на его обычную Бану — вздрагивала на каждый шорох, судорожно цеплялась за поводья, старалась не подавать виду.

Вскоре путники выехали за пределы столицы и двинулись по тракту на северо-запад. Всего в десяти лигах начинался лес. Гор спешил, Бансабира последовала примеру, не задавая вопросов. Она вообще была как-то подозрительно молчалива с тех пор, как высадились на родине.

На одном из биваков, пока Бану свежевала зайца, а Гор спутывал коней, внимание привлек шелест из леса. Они обернулись. Гор приложил палец к губам и тихонечко обнажил меч. Огляделся. И вдруг раздался старческий голос:

— Не трудись, путник. Ты слишком умел, и я тебе не противник.

На дороге точно из воздуха соткался конь, а на нем и всадник. Безобидный на вид старик, седобородый, с посохом, в темных запылившихся одеждах глубокого синего оттенка.

— О, да тут дитя, — добродушно пропел старец, спешиваясь неожиданно ловко. От него исходил тончайший запах волшебства — каких-то трав, смолы, чего-то чудесного. Бансабира невольно оторвалась от кролика и залюбовалась незнакомцем, точно он был принцем. Но — он был всего лишь стариком.

Путник почесал усы и щеки, и Гор тихо охнул.

— Ваши знаки... — Он отступил на шаг, преклонил колени. Бансабира впервые видела наставника в таком благоговении. — Благословите, Всемудрый.

Старец приблизился.

— Да пребудет с тобой Всеединая Праматерь богов и людей. Пусть Тинар озарит дорогу, Иллана принесет благоденствие, Нандана утешит, а Шиада даст сил. Пусть!

— Гор? — осторожно позвала Бансабира.

— Преклони колени, Бану. Такой шанс выпадает редко — перед тобой Верховный друид Ангората и Этана Таланар Тайи.

Старец, благосклонно улыбаясь, посмотрел на Бану.

— Девочка тоже верна Матери Сумерек. В таком юном возрасте... — Таланар положил

руку девочке на голову и повторил слова благословения.

— Пусть! — тихонько отозвалась Бану, ощущая, как из руки друида вдоль ее тела, от макушки до стоп, разливается поразительное тепло — покалывающее, щекочущее, терпкое и неодолимо притягательное чувство. Девочка пристально следила за глазами старца, находя их удивительно бездонными: глядишь — и не можешь даже представить, как много видели эти глаза. Что оставили за собой суховатые старческие плечи? Сколько минуло в истории этого путника таких плеч? Бану едва не задыхалась — Праматерь, неужели! Неужели в мире существует что-то настолько бескрайнее и доброе, как душа этого человека?!

— В мире есть хорошие люди, — подтвердил дед. — И даже в нем, — качнул головой в сторону Гора, — гораздо больше тепла, чем тебе кажется.

«Ну да», — недовольно подумала девочка, а друид хмыкнул.

— Присаживайтесь, владыка, разделите с нами трапезу. Бану, займись кроликом.

Девочка кивнула, принимаясь за тушку, а мужчины разговорились.

— Ирэн все еще в Храме Даг? — спросил Таланар.

— Вы знакомы с Ирэн Безликой? — изумился Гор. Он был удивительно почтителен. — Она никогда не говорила.

— Я хорошо знал ее отца. Он частенько бывал на Ангорате и совсем не хотел, чтобы его девочка выросла в Багровом храме. Но жизнь порой не оставляет выбора, и многое решено задолго до того, как мы приходим в мир. Сейчас довольно странное время, стоит признать.

— О чем вы?

— Не суть важно. Не задумывайся о сложном. Ты и без того служишь Матери Воздаяния достойно.

Гор настоял:

— Ответьте, прошу. Поделитесь со мной мудростью. — И после паузы усмехнулся: — В конце концов, когда еще представится честь и шанс поговорить с Верховным друидом?

— Это точно, — согласился Таланар, — в Багровый храм я пока не собираюсь, а на твоей родине меня и вовсе не ждут. Что ж, ты хочешь знать о времени... как тебя зовут?

— Гор, — подала голос Бансабира, не отвлекаясь от дела. Она уже насадила кролика.

— Помолчи, — рыкнул наставник.

— Не стоит, — примирительно осадил друид. — Но «Гор» — это имя, которое тебе зачем-то потребовалось. Твое настоящее имя начинается с той же буквы, что и мое, — проговорил старец.

— Тиглат.

Бансабира поглядела на взрослых дядек и вернулась следить за запекавшимся кроликом, внимательно вслушиваясь в беседу.

— Так вот, Тиглат, ты ведь знаешь, мир устроен в форме бесконечного Круга. Каждый день четыре воплощения Всеединой сменяют друг друга, и эпохи сменяются так же. Истекла очередная эра Илланы с ее урожаями и благоденствием, и мы теперь стоим на пороге той, в тени которой расцветает ужас. — Таланар поднялся с придорожного валуна и огляделся. Сгущался вечер. — Сумерки — это время перехода. От света к тьме и наоборот. В это время в мир выползает весь хаос и кошмар, рожденный человеческим страхом неизвестного, потому что тень — всегда тайна, подчас даже бóльшая, чем смерть. После смерти у всех разный путь — но, как и при жизни, он сводится к учению. А что такое тень, как не шутка и не парадокс? Ночь, живущая средь бела дня. Ночь, которую создают сами люди.

Бансабира сглотнула, слушая старца. Что-то тяжелое, но приятное сдавило ее существо,

сковало тело, не давая глубоко вздохнуть.

— Только сила может держать порожденный людьми хаос хоть в каких-то границах. Поэтому Мать Сумерек — единственная из ипостасей Всеединой, которой в сутках уготовано два срока: Она сдерживает страх мира перед ночью Нанданы, даруя силы принять мудрость Смерти, и разгоняет тьму, давая возможность возрождения Тинар. Ничего не бывает случайно, Тиглат. Назрел переходный срок, и Праматерь готовит к нему мир, посылая верных Шиаде. В том числе и тебя.

— Что-то произошло? — насторожился Гор.

— Чтобы что-то произошло, должны действовать люди. И сначала они рождаются, — туманно проговорил Таланар. — Много лет назад на Священный остров прибыла племянница Первой среди жриц. Девочка прямой ветви Сириин, наделенная небывалым могуществом. Храмовница держит ее на расстоянии, но уже очевидно, что она превосходит Вторую среди жриц.

— Вторая среди жриц? — повторил Тиглат и поинтересовался: — Наследница уже выбрана?

— Давно. Хотя теперь есть та, которой Вторая среди жриц уступает, но, думаю, это верно. Девочке не стать следующей храмовницей, зато в обряде присвоения истинного имени ее нарекли Шиадой.

Гор и Бану вскинули на него глаза.

— Как такое возможно? — спросил Гор. — Людей не называют именами богов, даже если они семи пядей во лбу!

— Ну, Шиада не была Богиней, — резонно заметил друид. — Она была жрицей, в которой раньше и сильнее всего проявился воздающий лик Праматери. Если на то пошло, все имена четырех лиц Богини — имена жриц, основавших храмы. Хотя должен признать, все были удивлены, когда обычного ребенка нарекли так. А теперь, когда Шиада служит в храме Шиады, случившееся кажется абсолютно разумным, — посмеялся друид. — Воистину! Пути Богини неисповедимы!

Ни Гор, ни Бану не нашли в словах старца ровным счетом ничего веселого.

— Случайностей нет, — заключил друид, успокоившись. — Не без причины Ирэн, не предназначавшаяся воинскому ремеслу, достигла вершины в искусстве убивать и обучила других. Не без причин племянница храмовницы превосходит ее дочь, не сознавая этого. Не просто так ты, Тиглат, встретил когда-то эту девочку, — кивнул в сторону Бану. — Как тебя зовут?

— Бансабира.

Проницательные глаза цвета лазуритов пробежали по девочке снизу вверх.

— Ты северянка.

— Откуда вы знаете? — спросила девушка, цепenea от духовного трепета и немножко от страха.

— Я могу видеть, — просто ответил Таланар. — Повсюду. Например, я вижу, что вскоре мимо нас пройдет группа разбойников, но, — друид предостерег собеседников от мгновенной собранности, — они не навредят нам, не беспокойтесь. Так вот, я вижу, что твоя подопечная знатна и носит поцелуй Госпожи Войны. Здесь, — Тайи ткнул себя в бедро, безошибочно угадав то место, где на теле Бансабиры находилась белая отметина.

— Твой знак, — сказал седобородый Тиглату, — тоже давно тебя ждет, но пока не нанесен.

Таланар потянулся к Гору и провел пальцем по лицу, будто проследив путь несуществующей слезы.

— Шрам? — Гор уставился на друида с полным непониманием в глазах. — С каких пор шрам означает нечто большее, чем неуклюжесть в бою или столкновение со сложной ситуацией?

— Некоторых Праматерь целует сама, а кому-то передает поцелуй через людей, — неопределенно отозвался старец. Раздался шелест. — О, вот и они.

Таланар поднялся, светясь и сияя так, будто их не настигал отряд разбойников, а ожидал радушнойший прием в замке архонского короля Удгара.

— Нет-нет, я ведь говорил вам не тревожиться. Оставьте мечи и просто ждите.

Ждать было невыносимо, мгновенно сообразила Бану, но волю чувствам старалась не давать. Правда, мужчины все одно замечали. Да и сам Гор, вернувший клинок в ножны, время от времени нервно переступал с ноги на ногу.

Звуки стали слышнее, разбойники приближались. Но когда появились на тропе, у которой на бивак расположились путники, Таланар слегка потряс посохом, пару раз негромко ударил основанием по земле и, улыбаясь, тоже стал ждать. «Они заметят нас! Заметят!» — настойчиво думал Гор, зная, как жрецы умелы в чтении мыслей. В ответ в голове раздавался только легкий смех друида, который воина непередаваемо раздражал. Кажется, Тиглат начинал понимать, за что его особенно сильно ненавидит Бану.

Разбойники прошли мимо их лагеря вплотную. Даже останавливались в футе от жреца, что-то пристально разглядывая в пустом, как им казалось, воздухе. Выглядело так, будто ни людей, ни костра, ни лошадей — ничего не было. Бансабира в немом восхищении стояла, остолбенев.

«Вот же хитроумный старик!» — невольно подумал Гор.

— Спасибо за доброе слово, — благосклонно ответил Таланар и сел.

Разбойничьи крики вскоре стихли. Жрец и выходцы из Храма Даг вернулись к беседе и ужину. Бансабира с трудом приходила в себя. Гор вскоре стал выглядеть непринужденнее.

— Какие дела привели тебя в Яс, мудрейший?

— Распри в Ясе не утихают. Это беспокоит Богиню и храмовницу. Как посланник Праматери, я должен был попытаться поговорить с раманом и раману. В конце концов, они называют себя тенью богов и обязаны вершить их волю. Раману Тахивран всячески убеждала меня, что вскоре война прекратится, хотя по существу она не собирается как-то вмешиваться. Раман и вовсе отошел от дел и ни в чем не принимает участия. Поэтому я решил немного поглядеть на окрестности и отправляться на восток. Мне нужно прибыть в столицу Иландара через пять недель.

— То есть вы просто тянете время? — с иронией спросила Бану. Старик явно не без сюрприза.

— Вроде того.

— А что в Иландаре? Тоже воюют?

— Ох, нет, — улыбнулся друид. — В Иландаре празднуют. Многие интересные люди съедутся в скором времени в замке короля Нироха Страбона — Агравейн Железногровый, его сестра Виллина, принцесса Архона, мой сын Гленн, Вторая среди жриц и Шиада Сирин. Ну и, разумеется, я тоже там буду, — скромно добавил друид через паузу. — Виллина выходит замуж за наследного принца Иландара. Нарождается отличный союз староверов.

Друид помолчал недолго, оглядывая собеседников, потом заметил:

— Зачем вы здесь, я, пожалуй, спрашивать не стану.

Гор хмыкнул. Доели они в молчании. Подкрепившись, Таланар поблагодарил и произнес:

— Сегодня ночью никому из вас не придется дежурить. Спите спокойно.

Ни Гору, ни Бану не пришло в голову усомниться в собственной безопасности. Перед сном Таланар ненавязчиво заметил, будто ни к кому не обращаясь:

— Рожденные в знаке Заклинателя Змей всегда находят, что ищут.

Гор значения не придавал, как и Бансабира. Все мысли девушки поглощала зарождавшаяся ненависть — к войне, к тому, что оторвана от дома, к смерти матери и, вероятнее всего, брата, к тому, что ей пришлось вступить в Багровый храм. Во всем этом повинны не столько Шауты, сколько раману Тахивран. И спустя годы она не стремится ничего исправить!

Когда Гор и Бану проснулись, Таланара уже не было. Дул приятный ветер, который пах травами.

По возвращении из кампании стоило Бану спешиться у главного входа, к ней подлетела встречающая их Шавна. Взяла подругу за руки:

— Кровавая Мать, Бану! Я переживала — до нас дошли вести, что половина вышедших погибла. К тому же никто из вернувшихся не мог внятно сказать, куда вы отправились. Рада, что ты жива. — Девушки обнялись. Гор тем временем о чем-то беседовал с Мастером Ишли. — Не смей больше так пугать меня! Ты же еще ученица, а за учениками всегда будущее, поняла?

Ага, поняла, улыбнулась Бану и коротко поцеловала подругу в губы. Стоило Шавне отойти, к БансабIRE, будто влекомый ветром, подлетел Астароше. Стиснул в объятиях.

— Ты жива, — прошептал на ухо. Отстранился, взял девичью голову в ладони и поцеловал на глазах у всех. Бансабира видела, как молодой мужчина закрыл глаза, прижимаясь к ее губам.

В вечер того дня, обсудив с Ишли какие-то вопросы и отдав старейшинам полученную от Яшмовых награду, Гор явился в комнату Астароше. Наставники жили на втором этаже.

— Не подходи к ней больше, — сказал Тиглат с порога. — Она моя.

Астароше лениво обернулся:

— Клинок Богини может принадлежать кому-то, только если добровольно отдал себя, сам знаешь, Тиглат.

— Бану не Клинок, она все еще рабыня.

— Верно, но даже тебе, Тиглат Тяжелый Меч, не позволено оттягивать неизбежное. Самое позднее этим летом Бану вобьют знак.

Гор проскрежетал зубами.

— А до тех пор — не трогай ее, — процедил он и вышел.

На другой день Тиглат привел к БансабIRE Габи, невысокую худенькую брюнетку из учеников Мастера Ишли.

— Тебе нужно научиться еще кое-каким женским вещам. Я тут тебе не советчик.

Оставшись вдвоем, Габи сказала:

— Я расскажу и покажу две вещи, Бану: как красить лицо и как соблазнять мужчин.

— Зачем?

Габи усмехнулась:

— Потому что, в отличие от них, владеющих только клинком и умом, у нас есть еще одно бесценное оружие — красота.

От Габи Бану узнала многое: красоту, коль она не послана Кровавой Матерью, руками не сотворишь. Но эффектную внешность сделать можно и почти из ничего. Узнала, что и простая косичка, единственная «прическа», с которой ходила Бану все пять лет в Багровом храме, может выглядеть по-разному. Узнала, что мужчиной легче всего руководить, если ты красива и знаешь слабые места его тела. Габи научила девушку поцелуям.

Когда Бану в первый раз сама успешно нарядилась, причесалась и оделась в платье из ласбарнского льна, тонкой занавесью скрывающее тело и открывающее простор для фантазии, Габи удовлетворенно хмыкнула, окинув ее оценивающим взглядом:

— Не оставайся с Тиглатом один на один, когда так выглядишь. По крайней мере, пока не пройдешь последнее испытание из пяти лет обучения.

— Почему? — спросила Бану. — Гор... Гор... — осеклась, побоялась продолжить мысль. Будь здесь кто-то другой, а не Габи, возможно и договорила бы. Но Гор приставил к ней именно Габи, которую, как говорили, на пятом году обучения изнасиловал сам Мастер Ишли.

Женщина поняла мысли Бансабиры. Она усмехнулась, глядя на подопечную:

— Пока не закончим пять лет, мы целиком и полностью принадлежим наставникам, Бану, мы их рабы. За годы основного курса каждый из нас проходит здесь путь солнца или луны, иначе говоря, путь колеса и Круга. Каждый входит сюда как гость, — Габи указала пальцем на умозрительную точку в воздухе. — Соглашаясь стать учеником, падает до раба, — женщина прочертила вымышленную дугу вниз, — постепенно поднимается снова — ты могла оценить, насколько менялось к тебе отношение Гора — до уровня гостя, но по обратную сторону оси, — женщина дочертила еще одну дугу. — И наконец достигает места выше двадцатого или даже звания Мастера, — палец женщины переместился в высшую точку окружности, — чтобы однажды, к старости, утратив силу и ловкость, умереть здесь и воскреснуть где-то еще и снова войти сюда гостем. — Начертанный круг сошелся.

Габи поднялась с кровати Бансабиры, на которой сидела.

— Мы принадлежим им, Бану, и если в голову Гора придет блажь навалиться на тебя, ты ничего не сделаешь. Даже если будешь сильно стараться. Поэтому просто не подавай ему лишнего повода. Ты уже не девочка, а Тиглат... словом, он попробовал не меньше полусотни женщин — из числа рабынь храма и горожанок. По крайней мере так болтают, большего не знаю.

Бансабира поблагодарила женщину.

Стоило Габи уйти, Бану принялась распускать уложенную прическу. В дверь постучали.

— Кто? — спросила Бану: будь это Гор, он бы не стучал.

— Это я, — раздалось из-за двери.

Девушка замерла на мгновение:

— Входи.

Астароше вошел.

— Мы с Шавной идем в торговый квартал. Если у тебя есть время, пойдем с на...

Молодой мужчина осекся: в полумраке подкрашенные сурьмой глаза Бану показались ему кошачьими. У мистических пантер из легенд и преданий Ласбарна, наверное, были такие же. Он сказал это вслух.

— Чего? — не поняла Бану.

— Твои глаза, — Астароше приблизился. Запустил руки в распушенные волосы. Сами по себе золотистые, в темноте они отливали старым добротным и благородным красным золотом.

Приподняв в ладонях девичье лицо, Астароше выговорил:

— Я завидую Тиглату. Он видит это каждый день.

— Гор... Гор может войти в любую минуту, — выговорила девушка тише, чем хотела.

Лицо Астароше озарилось легким узнаванием чего-то привычного.

— Точно, — усмехнулся он, немного отклонил голову Бану в сторону и нежно поцеловал в шею. Затем, отпустив ее лицо, сполз на колени, медленно проводя руками по изгибам стройного и упругого девичьего тела. Неожиданно вцепился в тонкий лен малинового платья. Ну почему такая ничтожная тряпочка является такой преградой?! Перебирая ткань меж пальцев, Астароше горько усмехнулся. Прижался лицом к животу девушки, глубоко вдохнул и встал: — Не бери в голову. — Ушел.

В июне своих тринадцати лет Бансабира прошла все проверки по владению разными видами оружия и главное состязание, завершающее основной курс обучения в Храме Даг. Противника Гор назначил сам — Ирэн Безлика, первый номер сто пятого поколения. Многие пришли посмотреть этот бой, включая Шавну, Астароше, Габи, Елену, Шухрана и Аннамару. Последняя на днях вернулась из очередной кампании, в которой сильно пострадала — прежде довольно миловидное лицо теперь отмечало страшное красное пятно с белыми отметинами во всю правую половину лица. Бледно-голубой глаз помутнел (скорее всего, она утратила способность видеть им, подумала Бану), рыжая бровь над ним выглядела рваной, с прорехами. В огненно-рыжих прежде волосах блестели две крупные седые пряди. Такое часто случалось и с молодыми, Бану уже видела, когда волосы белели от страха...

Только левый глаз пронзительного цвета васильков в пору цветения еще напоминал о былой красоте его обладательницы.

Ударили в гонг. На арене началась пляска бестий...

Ирэн Безлика повалила Бану, но на шее первого номера, под левым ухом, алела тоненькая полоска — это Бану применила свой так хорошо отработанный прием, когда в мгновение ока она — где бы ни была до этого — оказывалась за спиной противника с невесть откуда возникшим в ее длани ножом, который прижимала к шее врага. Гор уже не раз видел, чем заканчивалась эта атака Бану, — и с пиратами, и с рабами, и во время вылазок и кампаний в Ласбарне и на островах. Девушка, не задумываясь, отпускала руку с ножом двигаться по инерции замаха. Клинок впивался в горло жертвы, потом Бану резко тянула на себя, будто разрывая плоть врага. В зависимости от успеха и аккуратности из гладких ран начинала быстро сочиться алая кровь; из рваных шей — била фонтаном...

На свой риск осмелилась пошевелиться смуглая, невысокая, поджарая Ирэн Безлика, когда почувствовала сталь у горла. Подобное безрассудство могли себе позволить, пожалуй, только номера выше третьего. Но Ирэн не зря была в числе первых — Бану досталось с лихвой. Стоило Ирэн с радужной улыбкой поднять девушку на ноги, Бансабира, будто издав издав услышав рукоплескания и голоса, вновь пала на колени, тяжело дыша.

Гор отнес ученицу в комнату на руках — до того устала и вымоталась, что, стоило попасть в объятия наставника, заснула. Да и потом, наверняка сказалось наличие многочисленных ран и, скорее всего, внутренних гематом. Ирэн Безлика получила свой первый номер именно за эту технику рукопашного боя...

Гор раздел девушку, стер пот и кровь, привычно обработал ранения, накладывая швы, затирая бальзамом ссадины и ушибы, растирая пахучей мазью суставы. И отчего-то делать это так же равнодушно, как последние пять с половиной лет, больше не удавалось. Перекатывая длинными пальцами молодое бедро, Гор закусил губу. Огладив широкой ладонью шелковистую кожу девичьего живота, он прокусил губу до крови. Поднявшись выше и обхватив полушария молочно-белых упругих грудей, мазнул щекой по животу.

Ее запах.

Гор не выдержал и застонал, падая горячей головой на грудь Бану. Он прижался губами к соску и потянул в рот.

Когда она успела *так* вырасти?

Многие Нэлеймы, Священные Свадьбы, совпадавшие с днями равноденствий и солнцестояний, в которых зачинались дети жриц и жрецов, проходили в жизни Шиады стороной с тех пор, как она расцвела. Черноглазая, с длинной волной легких волос такого цвета, будто самых разных оттенков медь переплавили в одном котле, забыв размешать, Шиада больше всего напоминала Богиню не Воздаяния, а красоты.

Жрица неустанно служила в храме Матери Сумерек, в роще западной части Ангората: ткала, учила маленьких девочек и мальчиков, принимала гостей-друидов, собирала цветы и травы, по надобности охотилась, провожала путников с Этана — внешнего мира — на Ангорат — Священный остров Праматери — и обратно.

Помнится, когда ей в первый раз пришлось развести копыя Часовых, охраняющих вход на остров, получилось только с четвертой попытки. А за последнюю пару лет жрица научилась проходить мимо стражей беспрепятственно, без суеты и бесконечного чтения молитв — только мелькнут в воздухе широкие рукава жреческого платья, и ниспадет позолоченная завеса промеж копий посреди озера.

Шиада часто радовалась своему положению на Ангорате — она была крови Сирин, древнейшей династии этого мира, и многие были к ней почтительны. Она приходилась кровной родней королю Иландара Нироху, а ее отец был одним из четырех герцогов этой страны, что добавляло девушке уверенности в беседах с теми, кто, прибывая на остров по каким-либо делам, выказывал явно светскую позицию. Вместе с тем она оставалась племянницей храмовницы Ангората, не будучи ее наследницей и не имея необходимости нести колоссальную ответственность.

С трепетом, с любовью она выполняла свои обязанности в храме Богини Воздаяния, именем которой ее когда-то нарекли. Здесь, на острове, в сакральном таинстве Праматерь поведала такую волю. Прежнее имя, данное ей родителями при рождении — Итель, — ничего не выражало, на взгляд юной жрицы. Не все сразу приняли присутствие на острове девицы с именем Богини, но, например, друид Артмаэль, глава храма Матери Сумерек, мгновенно увидел в таком избрании знак.

Увидел — и никогда не напоминал Шиаде. В конце концов, она просто юная дева. Благородная, талантливая и вместе с тем простая. Праматерь не ждала от нее много, и Шиада просто жила.

Время здесь шло безмятежно.

Счастливое время.

В одно солнечное утро, когда обряд встречи рассвета остался позади, Нелла пригласила племянницу к себе.

— Светел твой день, храмовница.

— Богиня в каждом из нас, Шиада, — ответила женщина. — У меня для тебя поручение. Твой кузен, престолонаследник Иландара Тройд, женится. В честь его свадьбы мой младший брат устраивает праздник и пир. Ты обязана быть там как Сирин и как Стансор. И поскольку я не могу поехать, от моего лица поедет Ринна.

Ринна была единственной дочерью действующей храмовницы, Второй среди жриц, наследницей кресла хранительницы Дуба. В ее жилах, как и в жилах Шиады, текла

древнейшая из королевских кровей, передаваемая от дочери к дочери Священного острова. Но, в отличие от Шиады, чья мать была одной из дочерей династии, Ринна была рождена самой Верховной жрицей Ангората. Девочка, рожденная храмовницей, не принадлежит никому и ничему, кроме Богини и мужчины, которому Первая среди жриц доверит дитя. Как правило, Владычицы доверяют дочерей — независимо от старшинства, если их несколько — родным, в том числе единоутробным, братьям, и крайне редко — зачавшему малышку мужчине. Да и где видано, чтобы искренне верующий посмел назвать себя отцом ребенка Богини, каковыми признавались все дети, рожденные храмовницей?

В свое время Нелла родила пятерых детей: двух дочек и трех мальчиков. Первый из сыновей умер еще в детстве, так что установилось определенное равенство. Праматерь будто полагала для каждой из рожденных девочек по брату-охранителю, подумала тогда Владычица. Однако впоследствии самое первое ее дитя — дочь, рожденная от Таланара, погибла в испытании с Часовыми, а младший из сыновей, зачатый в Нэлейм с герцогом Клионом Хорнтеллом, ступил на христианскую дорожку^[1]. В результате Ринну берег четвертый из детей Неллы — Гленн, рожденный от последней Великой Свадьбы, проведенной Верховными жрицей и друидом. Сейчас, когда Ринна выросла, Гленн больше не опекал сестру так всеподавляюще, как прежде, и вместе с братом-христианином находился подле дяди-короля в столице Иландара, выполняя его поручения. Однако главным его долгом — он помнил всегда — была забота о Второй среди жриц. Так что и теперь, получив известия от венценосной матери, Гленн ожидал прибытия Ринны и пятнадцатилетней кузины Шиады, жрицы храма Богини Возмездия.

Между Иландаром на севере, Адани на западе, грядой Каланских гор на востоке, Ургатской степью на юго-востоке и далеким Ангоратом на юго-западе раскинулось Гранское нагорье — место, где начиналось древнее языческое королевство коневодов Архон, возглавляемое династией Тандарион. Король Удгар, крупный, высокий, янтарноглазый, с немного вьющимися черными, что ночь, волосами с редкой проседью, полный сил в свои сорок с небольшим, был доволен, восседая во дворце столицы Аэлантиса, — наконец был заключен мир со свободными племенами из Ургатской степи. Мир! После долгих тяжб, когда разрешались конфликты из-за приграничных земель, удалось избежать открытого столкновения, и это заслуга действительно достойная. Если так дальше пойдет, наверняка и северный союз племен — скахиры — тоже хотя бы какой-то частью со временем присоединится к Архону. В такие времена, как это, запастись союзниками дело не лишнее. Да чего уж там — союзники нужны во все времена.

Именно по этой причине пару месяцев назад он заслал сватов в Иландар, к королю Нироху. У тебя, владыка Страбон, есть неженатый сын, а у меня еще осталась одна незамужняя дочь, так почему бы не объединиться в альянс, который наверняка отпугнет бесконечное половодье кочевых варваров между нашими землями? — писал Удгар. Кроме того, твоя старшая сестра, владыка, храмовница Ангората, и ее соправитель Тайи (да благословит их Праматерь) верно сказали: сегодня единые верой должны держаться вместе. А Сирин и Тайи редко ошибаются и не желают зла ни вам, ни нам.

Это было правдой: Сирины и Тайи на протяжении тысячелетий поддерживали тесную связь с домом Тандарион. Архонцы были ближайшей к Ангорату державой и первыми переняли от Священного острова веру в Праматерь богов и людей. И по сей день не было в Этане более уверенных староверов, чем здешние жители (самые частые гости полюбоваться красотами Ангората). Традицию дружеских (а нередко и родственных) отношений между

трех домами поддерживали из поколения в поколение, и времена Неллы, Таланара и Удгара не стали исключением. Из их рук, по вековой привычке и уже необходимости, Удгар когда-то принял благословение на царство; они освящали его брак, они осеняли светом Всеединой Матери путь всем четверым его детям, они принимали на обучение архонков и архонцев, они присылали в храмы его страны лучших из жриц и друидов, они помогали советом и подсказкой в любых политических вопросах, они воспитывали на особом положении его любимца и первенца Агравейна, когда он подрос достаточно, чтобы учиться быть королем-старовером. Нелла Сирин и Таланар Тайи всегда были на стороне Удгара. И по совету храмовницы король задумал предстоящий брак.

— Нирох не откажет, — сказала Нелла в дни своего визита в Аэлантис. — Он все-таки мой брат и, как и ты, многим обязан Ангорату.

Нирох не отказал. Свадьбу назначили к апрелю.

Агравейн Тандарион, старший из детей Удгара, молодая и пышущая здоровьем копия отца, красивейший из мужчин, когда-либо рожденных Праматерью, находился на двадцать третьем году жизни и уже сыскал себе славу выдающегося воина и полководца. Казалось, уже тысячи раз скакал он на своем гнедом Талине во главе войска под изумрудным знаменем семьи, на котором рисовались три вольногривых коня — черный, русский и белоснежный. Врели барды в своих песнях или нет — кто знает, зато друзья, товарищи и командиры в один голос говорили — Железная Грива Этана побеждает в боях с тринадцати лет и с шестнадцати зовется Железной Гривой, ибо нет ему равных в ратном деле!

Вот и сейчас, в расцвете сил, громадный, как гора, Агравейн спешил с Талина, взлетел по лестницам до одной из праздничных зал дворца, расположенной в дальнем крыле помещения. Здесь собрались многие его боевые товарищи, друзья, их сестры и девицы вольных нравов. Все праздновали возвращение воjak с границы — ведь не без их усилий заключил Архон перемирие с кочевниками! И вел маневренную архонскую конницу он, Агравейн Железногривый, потерявший в стычках двенадцать человек в обмен на четыре вражеские сотни.

— За Железную Гриву! — прогремел веселый гомон пирующих. Старшего поколения на этом вечере не было. Только слуги да смотрительницы, которым в положенный час надлежало увести знатных девиц по покоям или домам. Тех же, кто был здесь, связывали узы устоявшегося знакомства и многолетнего общения.

— За Железную Гриву!

Загорелое лицо с крупными чертами и упрямым волевым подбородком расцвело улыбкой точеного рта и удивительных янтарных глаз.

— Спасибо, друзья! — разнесся во всей зале грудной баритон полководца, когда он занял полагающееся место во главе пиршества. — Веселитесь от души! Ешьте, пейте! Празднуйте наш успех! Празднуйте мир с варварами! Празднуйте свадьбу моей сестры!

— Эге-эй! — воздели собравшиеся бокалы и опрокинули.

— Спасибо, — повторил улыбающийся Агравейн тише и посмотрел на соседей: слева сидели Лот и Вальдр, два давних друга и лучших командира в его отряде. Хотя они частенько грызутся между собой, соратников надежнее трудно найти, принц знал по практике. Если и был на свете человек еще более преданный ему, Агравейну, то только тот, что сидел сейчас по правую его руку, — молочный брат Астальд.

Давно перевалило за полночь, а пиршество все расходилось. Уже не было знатных красавиц, только вольные танцовщицы и женщины из увеселительных домов остались развлекать мужчин. Да, через день он вновь сядет на коня, чтобы сопровождать сестру в Иландар, да, у него опять будут какие-то там обязанности, но так ли все это важно сейчас, когда его лицо тонет в чьей-то пышной груди? Которая она по счету, эта грудь, хотя бы за минувшую неделю? А за последние полгода? А за после... К демонам!

— Какая ты сладкая! — прогортанил Агравейн и потянул сосок. Сколь бы он ни пил, хмель не брал его, и богатырь всегда отдавал себе отчет в происходящем.

Через какое-то время принц, пошатываясь, поднялся и поплелся к выходу. Спать где попало и с кем попало ему и в походе надоело. Сейчас лучше добраться до кровати, а то через сутки опять останется без нее.

По дороге молодой мужчина заметил, что Лот и Вальдр уже валяются кто где, совсем не там, где начинали пир. Рядом с Лотом спали две женщины — одна тонкая, как тростник, а другая основательная, как самшит. Астальда Агравейн разглядел вообще в дальнем углу. Дальше, не обращая внимания на остальных, направился в свои покои. Встреченную по дороге обитательницу дворца попросил составить ему компанию в прогулке по коридорам. Женщина отвела принца, усмехнувшись, и затворила дверь, уходя. Оставшись один на один с самим собой, Агравейн, все еще улыбаясь, упал на кровать. В углу темной комнаты неожиданно что-то шевельнулось.

Легкость и праздник вылетели вон из головы, как вылетает пробка из растрясенной бутылки перебродившей медовухи. Он рывком поднялся, выхватив из-под подушки кинжал.

— Кто здесь? — спросил сурово.

Тень шевельнулась вновь.

— Покажись, не то убью.

— Прошу, не надо, — раздался невинный женский голос. Девушка выплыла из угла комнаты на ее центр. Агравейн не узнавал прибывшую.

— Кто ты? — Сталь кинжала опасно поблескивала в его руке, играя бликами проникающего сквозь окно лунного света.

Девушка молчала, пытаясь совладать с собственным голосом.

— Дочь кого-то из знати?

— Я... — голосок дрогнул, — я Диала, дочь князя Даграна из княжества Рыб.

— И что тебе здесь нужно? — спросил он с настороженностью в голосе.

Девушка не ответила — как-то странно шевельнулась, и ее покров — шелковый халат — пал к ногам. Девушка стояла абсолютно обнаженной. Агравейн хмыкнул.

— Что... такое? — встревожилась Диала. — Я кажусь тебе смешной? — Даже в темноте Агравейн видел, как она покрылась краской от смущения и попыталась прикрыть наготу руками.

— Нет, несколько. — Агравейн знал, что и женщина может, подобно ядовитой змее, пронести в спальню клинок, но безотказная интуиция говорила ему, что сейчас — не тот случай. — Ты прекрасна, — сказал он ей, приближаясь. В отсветах лунного сияния силуэт гостьи был виден довольно отчетливо.

Агравейн подошел вплотную и взял лицо девушки в ладони, мгновенно ощутив девичью дрожь.

— Сколько тебе лет, Диала? — спросил он своим проникновенным бархатистым голосом. Против него девушка казалась ребенком.

— Шестнадцать, — прошептала она, завороченная янтарными глазами.

— Шестнадцать, — повторил Агравейн. — Скажи, Диала, у тебя есть сестры? Или ты единственная дочь добряка Даграна?

Агравейн заметил замешательство девицы и внутренне вновь усмехнулся.

— У... у меня есть две сестры, — поникла Диала.

— Это хорошо, — добавил Агравейн. — Тогда пойдем?

Девушка вскинула глаза. О, Праматерь, до чего же он великолепен...

В душе Агравейна не дрогнуло ни струнки — да мало ли их приходило к нему вот так, посреди ночи, в покои дворца, в шатры лагеря и даже в дома его друзей? А порой во время особо буйных попоек, в обрядовые праздники и в тот же Нэлейм — со сколькими он спал вовсе под открытым небом? Эта Диала не первая и даже не сотая... И уж точно не последняя! Так же, как со всеми другими, Агравейн уходил от забот этого мира на время, и так же как с другими, завтра, выпроводив ее за дверь, не вспомнит, как звали. В лучшем случае когда-нибудь в его голове мелькнет мысль «дочка добряка Даграна», да и то вряд ли.

Спустя тридцать два часа Агравейн выехал из дворца Аэлантиса как представитель семьи Тандарион и командир охранного отряда его сестры, принцессы Виллины, которой полагалось выйти замуж за Тройда, наследника Иландара и племянника Неллы Сирин.

— Нелла написала, что пришет Итель на свадьбу, — как-то вечером сказал Рейслоу Стансор, герцог Мэинтарский, владыка северных земель Иландара, жене, вот уже вторую неделю не встававшей с постели из-за хвори. Он проживал середину пятого десятка годин; его темные волосы до подбородка изрядно посеребрила седина, почти черные глаза хранили зоркость. В прошедших войнах Рейслоу потерял половину правого уха и, как ни странно, мизинец на левой руке. Ростом он не удался, твердое под одеждой тело покрывали бесчисленные жесткие волоски.

— Итель, — слабым голосом произнесла Мэррит, — неужто я снова увижу ее? — спросила себя. — Так много времени прошло с тех пор, как мы отправили ее на Ангорат.

— Ты отправила, — парировал христианин. — Я был против этой затеи, ты знаешь. Воспитание в монастыре не принесло бы ей никакого вреда, а кто знает, что из нее воспитали в этой твоей «обители»? — насутился герцог. Женщина в ответ улыбнулась:

— То же, что когда-то из меня. И если помнишь, мои жреческие змеи не помешали тебе взять меня в жены.

«Ты сестра короля», — мелькнула мысль в голове Рейслоу.

— Угу, — буркнул он вслух, — не помешало.

— Вот и Лигара это не остановит.

— Сдался тебе этот Лигар! — взъерепенился мужчина.

— Мне — нет, но разве тебе он не друг?

— Друг.

— Так почему ты не хочешь породниться с ним? Его сын Кэй не женат, и, если все сложится успешно, твоя дочь однажды станет герцогиней Бирюзового озера.

— В том и дело, Мэррит! — Рейслоу всплеснул руками. — Лигар уже мой друг, а вот наладить отношения с Ладомарами было бы куда лучше!

— И тебя не смутит, что Ладомары язычники? — усмехнулась супруга. — Если ты так хотел дочь христианку, самое лучшее отдать ее именно за Кэя Лигара.

Трудно спорить, думал Рейслоу Стансор, Лигары на весь Иландар известны своей глубокой приверженностью новой религии.

— Ты уже все решила за нее, да? — спросил он у жены с тоской и любовью.

Мэррит только кивнула:

— Я говорила тебе, Рейслоу, сыновья, которых я рожу, — твои сыновья, но дочери, которые у нас будут, — только мои дочери. Я родила тебе трех сыновей и не роптала, когда ты крестил их, хотя, видит Праматерь, из Растага вышел бы отличный друид! — когда отправлял юнцами в сражения, когда выбрал невесту наследнику. Но дочь — наша единственная дочь — принадлежит мне, Рейслоу. Всякая жрица моей религии обязана отдать хотя бы одну девочку Богине, и, по-хорошему, обязана — старшую. У тебя свой наследник, а у меня — своя.

— Женщины не наследуют, — фыркнул мужчина.

— На Ангорате — наследуют, Рейс. Итель Сирин, как и я, от священной крови Илланы, ни у нее, ни у меня не было иного выбора, кроме Ангората. И перестань уже сердиться, — улыбнулась женщина. — Разве я не предупреждала тебя об этом всякий раз: в день свадьбы, в дни рождения каждого из наших сыновей, в дни их крестин?

— Не было таких разговоров.

Мэррит вновь улыбнулась — мужчины такие дети.

— В любом случае она уже жрица, и этого ты не изменишь.

«Ага, зато ее будущее пока еще в моей власти. Если только она хороша».

— Не волнуйся, — обученная жреческим искусствам, Мэррит прочла мысли мужа, — Итель красавица.

Рейслоу облегченно выдохнул, а женщина неожиданно откинулась на кровать, схватившись за подреберье. Муж заботливо поправил подушки.

— Тебе надо встать к ее приезду, — проговорил он, целуя жену в лоб. — Отдыхай и ни о чем не тревожься. Мы встретим нашу дочь и племянницу.

Накануне свадьбы принца Тройда все семейство герцога Стансора прибыло в столицу Иландара Кольдерт, а на рассвете праздничного дня, когда все еще спали, королевского замка достигли две юные жрицы. Мэррит, обливаясь слезами, приветствовала дочь, крепко прижимая к себе: как же она стосковалась по малютке! Шиада оказалась более сдержанной: слишком рано их разлучила жизнь, слишком быстро Богиня заменила для нее Мэррит. Когда все жрицы тебе сестры, когда приучаешься не нуждаться ни в какой матери, кроме Единой, разве так уж много значит земная родительница?

«Такая же, как я в ее возрасте, — подумала Мэррит, глядя на дочь, — холодная и сдержанная. Кроме Богини нет для нее ничего. Но так будет недолго».

Герцогиня помогла Ринне и дочери облачиться в праздничные одежды, заплела девушкам волосы. Позже женщины спустились во двор, где собиралась знать Иландара.

— Матушка, — обратилась Шиада, — ты нигде не видишь Растага?

Мэррит осмотрела присутствующих и указала на статного светловолосого юношу на балконе над парадной лестницей.

— Он там.

«На лоджии?»

«Именно», — мысленно ответила Мэррит и улыбнулась: что ни говори, а жреческое умение читать мысли всегда ее притягивало.

Легко и грациозно Шиада поднялась по ступенькам на лоджию, привлекая всеобщее внимание: роскошные волосы всех оттенков меди, собранные с челки и висков к затылку, расстилались на спине; огромные темно-серые глаза с большим зрачком светились тихим огнем; лепные и аккуратные черты лица, точеная фигурка, обтянутая тканью платья, говорила о великолепном сложении девушки; осанка, походка, нежный и музыкальный голос, приветствовавший встречающих, — все олицетворяло гордость, нежность, достоинство.

Девушка оказалась на вершине лестницы и бесшумно подошла к брату. Он смотрел на нее с тем восхищением, какое только может испытывать мужчина, глядя на женщину. Во взгляде читалось, что Растаг не узнал сестру.

— Здравствуй. — Шиада смотрела прямо и светло.

— Здравствуйте, миледи, — ответил ей Растаг, удивленный обращением на «ты». — Простите мою неловкость, но запомнил, где мы встречались прежде.

Девушка легонько улыбнулась, оглядывая брата. За годы разлуки нелепый полноватый мальчик из детских воспоминаний вытянулся так, что на полголовы возвышался над сестрой; его тело приобрело прямые жесткие контуры, волос на удивление посветлел. Только глаза остались те же — карие и удивительно добрые.

— Я сказал что-то забавное?

— Растаг, — позвала девушка, чуть наклонив голову, — это же я.

Юноша поднял одну бровь:

— Итель... сестра?

Девушка кивнула.

— Итель! — Теперь Растаг восклицал. — Как же рад я тебя видеть! — Он подхватил девушку, закружив.

— Ну, прекрати, — улыбаясь, проговорила девица, когда брат опустил ее. — На нас же все смотрят.

— Пусть смотрят. — Он слегка отстранился, чтобы лучше видеть сестру. — Видит Бог, им есть на что посмотреть!

— Ты тоже возмужал, Растаг, — проговорила Шиада, взяв брата за руки. — Ну, Расскажи мне, как ты?

— Да что говорить... — замялся парень.

— Что хочешь, а лучше — все. Я так рада видеть тебя! Ты сейчас живешь в Мэинтаре, или отец приставил тебя к кому-то из лордов?

Восемнадцатилетний юноша покачал головой:

— Отец держит нас при себе, старается дать будущее всем, не только Ронелиху. Многие лорды не поддерживают его в этом, так не принято. Но мы с Роландом благодарны, — и замолчал.

— А меч? Бывал уже в бою?

Да, был, подтвердил брат, в нескольких стычках с племенами год назад.

«Он очень скромен», — подумала Шиада.

— Ну а невеста? У тебя есть невеста?

Растаг отвел глаза. Разум юноши лежал перед жрицей, как на ладони: брат был влюблен, но девушка отказала ему ради кого-то из баронов, ведь и за вторых-то сыновей замуж не выходят, что говорить про третьих?

— Ты еще будешь счастлив.

Растаг не ответил — улыбнулся и сильнее сжал сестринские ладони.

— Ну ладно, — Шиада решительно сменила тему. — Как братья?..

Рейслоу подошел к жене, стоявшей в компании Ринны недалеко от балкона над парадным входом.

— Милая, — поприветствовал герцог жену. Мэррит слегка наклонила голову в ответ. — Здравствуй, Ринна. Жена сказала мне, ты дочь храмовницы. Приятно будет приветствовать в нашем доме родственницу. Ты ведь остановишься у нас?

— Здравия и тебе, лорд. Скорее всего, если моя мать не настоит на скором возвращении.

— Хорошо. Кстати, о родственницах, я не вижу еще одной прибывшей.

— О, она... — воскликнула Мэррит, но к герцогу подошел невысокий темноволосый мужчина — граф Арасп.

— Доброго дня, Рейслоу. Доброго и тебе, герцогиня. Ты, как всегда, обворожительна.

Мэррит поблагодарила графа и представила племянницу. Жрица царственно склонила голову. Статус наследницы ангоратского кресла сильно отражался на манере поведения: Ринна никого не признавала выше себя, за исключением матери.

— Вы позволите украсть вашего супруга на минутку, миледи? — обратился Арасп.

— Разумеется.

Мужчины отвернулись и о чем-то заговорили. Через несколько минут взгляд Рейслоу впервые упал на лоджию.

— Кто это? — спросил он, не отрывая взгляда от той, с которой разговаривал Растаг.

— Где? — спросил Арасп, оглядываясь.

— Там, на балконе. Разговаривает с Растагом.

Из-за спины раздался полный торжества голос Мэррит:

— Рейслоу, не узнаешь свою дочь? Это Итель.

В несказанной гордости расплылось лицо герцога.

— Я... прошу прощения... Пойду поздороваюсь.

Герцог поднялся на балкон.

— Итель, — произнес просто.

Жрица обернулась и, замешкавшись, будто не узнавала его, присела в поклоне:

— Здравствуй, отец.

— Хорошо, — оценил мужчина приветствие. — А теперь обними меня. Дай-ка взглянуть, — сказал Рейслоу, отодвигая дочь, когда объятие закончилось. — Какая же ты стала красивая и... взрослая.

Шиада мысленно улыбнулась — каждый из родственников говорил одно и то же и обращался по имени, которым ее уже никто не звал.

— Рада видеть тебя, но я еще не поздоровалась с Ронелихом и Роландом. Позволь найду их.

— Конечно. Кстати, видишь ту девушку? — спросил герцог, указывая на брюнетку, восходящую по ступенькам. — Это невеста Ронелиха, Элайна. После свадьбы принца мы с Араспом объявим об их помолвке. Поздоровайся, а после пойдешь.

Шиада дождалась, когда Элайна достигнет их.

— Приветствую, милорд, — склонилась брюнетка в поклоне перед Рейслоу. — Отец сказал, ваша дочь прибыла сегодня. Я хотела бы поздороваться с будущей сестрой.

— С радостью познакомлю вас.

Мужчина представил девиц. Те улыбнулись, поцеловавшись в щеки. В этот момент, когда

они стояли рядом, резче всего почувствовался резонанс их несходства: медь локонов против черных смоляных кудрей; серые, почти черные глаза встретились с темно-карими. К тому же Элайна была на полголовы выше и немного полнее Шиады.

«Ей девятнадцать», — безошибочно определила жрица.

— Для меня честь познакомиться с избранницей брата, — произнесла Шиада вслух.

— Для меня честь быть представленной служительнице богов. — Жрица слышала в мыслях Элайны, что та лукавит.

— А где же Ронелих?

— У принца. Его высочество сказал, что ему нужна поддержка, — смеясь, ответила Элайна.

— Что ж, — произнесла Шиада, — найду Роланда.

— Конеч...

Протрубили фанфары, созывающие всех в тронный зал.

— После успеется, — произнес герцог, спускаясь вниз. — Пойдемте, я сопровожу герцогиню, Растаг — Итель, а тебе, Элайна, лучше пойти с отцом.

Все гости выстроились живым коридором в пышно украшенной тронной зале замка. Герцог Мэинтарский с супругой и сыновьями, Ринна и Шиада и трое незнакомых жрицам мужчин стояли недалеко от трона. Это были родичи королевской семьи: вдовец герцог Лигар со своим единственным сыном, младший брат королевы и брат новоиспеченной невесты, Агравейн Тандарион — величайший воин в истории, Железная Грива Этана, слава о котором разнеслась по всему миру. Все взгляды были направлены в их сторону: мужчины смотрели на Шиаду, женщины — на Агравейна. И всякий из числа прибывших, кто был старше пятнадцати и моложе пятидесяти, ловил себя на тайных желаниях.

Близ Нироха стоял принц Тройд. Архиепископ Ликандр и Верховный друид Таланар были тут же: каждый из них должен был по-своему благословить молодоженов в совместную жизнь.

Вошла невеста, леди Виллина, сестра Агравейна. Невысокая, худая и сучковатая, как карагач, с небольшими светло-голубыми глазами и копной каштановых волос, убранных под фату.

«Ну не шутка ли Богини, — подумала Шиада, — что у такого мужественно-великолепного богатыря, как Агравейн, такая некрасивая сестра?»

Начались обряды, не доставлявшие удовольствия в первую очередь архиепископу Ликандру и королеве Гвендиор. Таланар к христианским обычаям был снисходительно добр. Ему, Верховному друиду, старовер-король дал первое слово.

Наступила церемония поздравления. Когда очередь дошла до Шиады, девушка гордо и грациозно прошла к новобрачным. Сильным, поставленным голосом, какого трудно было ожидать от девицы пятнадцати лет, произнесла:

— Да укроет Богиня ваш союз Своим покрывалом.

Занялся пир. Шиада ела мало, пила воду. За столом занимала место между Роландом и Растагом. Если с последним беседа шла на удивление оживленно, со средним братом ей никак не удавалось наладить разговор. Жрицы с трудом могли долго сидеть в четырех стенах, где царили шум и праздность. Поэтому Ринна быстро ушла спать, а Шиада частенько выходила на улицу. Спокойствие и тишина, которых она столь остро жаждала в душном

суеотящемся городе и пышном дворце короля, были недостижимы, но во внутреннем дворе девушка все равно чувствовала себя лучше. Да и глазающих здесь меньше. Прежде ей не приходило в голову, что ее внешность может вызывать такое внимание. Конечно, чем старше она становилась, тем чаще нет-нет да и ловила на себе взгляды друидов — после обрядов, во время прогулок или, чаще всего, в часы обязательной работы в храме Воздаяния. Но никто из них не выказывал восхищения в столь недалекой форме, как присутствовавшие здесь лорды.

«У меня, в конце концов, не три ноги! — в возмущении думала Шиада, в очередной раз выходя на свежий воздух, стаскивая с волос покрывало и усаживаясь на скамью. — Сразу после свадьбы отправлюсь на Ангорат, и упаси меня Богиня покинуть его хоть однажды после этого!»

Мысли об Ангорате увели девушку в бездну воспоминаний. В памяти всплыли прекрасные пейзажи: спокойное, величественное озеро, отнюдь не страшное, каким казалось сначала, а возвышенное и гордое; светлое лазурное небо, рассекаемое взмах за взмахом крыльев орлами и стервятниками. С высоты их гнездищ на утесах острова с его лесами, тропками, колодцами, Каменными Кругами, обителями друидов и жриц, прудом и Дубом Жизни и Мудрости остров напоминал свернувшуюся кольцом венценосную Змею. Она мирно дремала на груди у вечности, охраняя древнюю мудрость змее-людей. Восстал перед мысленным взором храм Шиады, Богини Возмездия, и, закрыв глаза, девушка ощутила аромат трав и масел, которые жглись там каждый день.

«И я тоже Шиада, хотя здесь никто, кроме Ринны, не зовет меня так. Правда ли, о Праматерь, что это Ты назначила мне это имя?»

— Король желает поговорить с тобой, дочка. — Девушка вздрогнула от внезапного голоса. — Нельзя заставлять его ждать.

Без лишних слов жрица поднялась и последовала за Рейслоу.

Король — немолодой, ширококостный, с тяжелой челюстью, поросшей рыжеватой бородой, — первым делом спросил у племянницы истинное имя.

«Что еще за истинное имя?» — недовольно подумал Рейслоу.

— Меня нарекли Шиадой, мой король.

— Шиада? — медленно произнес Нирох. — Невиданно... Но я буду звать тебя именно Шиадой, и королева тоже будет звать тебя так. — Упомянутая королева Гвен с совершенно безучастным видом отвела глаза. — Скажи мне, Шиада, ты владеешь арфой?

— Конечно, я обучалась музыкальному искусству.

— Тогда спой нам, — улыбнулся Нирох.

— Петь?! Моей дочери, как какой-то актерке? — возмутился Рейслоу.

— Музыка — великое искусство, отец, — нашла Шиада. — С ее помощью мы познаем мир и тянемся к богам, и только ею можно усмирить гнев Праматери.

Герцог глянул на короля, тот для виду насупился.

— Разве могу я отказать королю в его просьбе? — Тон Рейслоу говорил, что с радостью отказал бы.

Шиада обратилась к королю: у нее нет инструмента.

— Что же ты думаешь, племянница, у меня в замке и арфы одной не сыщется? — улыбнулся Нирох и велел принести лиру.

Спустя несколько минут Шиада взяла в руки инструмент, который был больше ее собственного. Гамму нашла не сразу, принаравливаясь к арфе. Села в центре зала. Пальцы увереннее стали перебирать по струнам. Глубоко вдохнула и взяла первую ноту. Голос —

нежный, сильный, грудной — прокатился по всей зале, заставив людей замолчать. Шиада не знала веселых свадебных песен. Только одну, и то не столько веселую, сколько именно свадебную. Она слышала ее в ночи Нэлейма, когда пели участники праздника плодородия. Следом за этой песней Нирох попросил спеть еще. Шиада пела и пела, наконец дошла до одной из самых любимых песен, совсем неуместной на свадьбе и все-таки многим пришедшейся по душе. Речь шла о девушке, изо дня в день одиноко стоявшей на краю утеса и ожидавшей возвращения любимого. Она еще не знала, что его корабль вот уже год как разбился о скалы где-то далеко на западе. Ветер неустанно трепал ее волосы, а она все смотрела и смотрела куда-то вдаль, ожидая невозвратимое...

Голос жрицы звучал проникновенно, завораживая и чаруя... Наконец смолк. Пальцы, ласкающие струны, остановились. Мгновение немого оцепенелого восхищения сменилось рукоплесканиями и выкриками, прославляющими музыкальное мастерство.

— Восхитительно! — доносилось со всех сторон.

— Да если бы я знал, что на Ангорате учат так петь, я бы свою жену и сестру отдал туда учиться, чтобы пели мне каждый день! — сказал граф Гай Гудан.

Шиада хотела было ответить, но слово неожиданно взял Таланар:

— Верно, все девы и мужи Ангората обучаются музыке, но с таким голосом, как этот, нужно родиться. Дара богов в учении не обрести.

Нирох попросил спеть что-нибудь еще, но Шиада отказала — слишком устала уже, голос вот-вот начнет сипеть. Король улыбнулся, поблагодарив. Все принялись праздновать дальше.

Шиада пригубила вина, надеясь смягчить запершившее горло. Закашлявшись и поблагодарив хвалившего ее Растага, вышла во двор. Здесь чуть поодаль располагался небольшой пруд, у которого росло несколько яблонь. Под деревьями стояли скамейки. Шиада присела на одну из них и на этот раз накинула покрывало на плечи — заметно похолодало. Закрыла глаза, чувствуя, как жадно легкие вбирают воздух. Расслабилась, позволив себе потерять счет времени, — ветер совсем тихо доносил сюда из дворца отголоски празднества.

Из задумчивости ее опять вывел мужской голос — на этот раз незнакомый, низкий и бархатный:

— Вы прекрасно пели сегодня, госпожа, — произнес незнакомец, подкравшись к жрице сзади. Шиада обернулась, вскинув на него черные глаза, под вниманием которых мужчина обошел скамью и предстал перед девушкой как есть. Двадцать два с небольшим, как всегда точно определила девушка. Мужчина был высок, силен, широкоплеч, шикарно одет и обладал самыми красивыми в мире янтарно-песочными глазами. Какая-то неведомая теплота единения разлилась по всему телу Шиады от одного его взгляда.

— Благодарю вас, при...

— Агравейн.

— Да, — ответила девушка, замешавшись. — Железногривый принц Архона.

— А вы племянница короля Нироха, — утвердил Агравейн, присаживаясь рядом. — И жрица Великой Матери.

— Верно.

— Однако верится с трудом. — Агравейн обворожительно улыбнулся, заглядывая девушке в лицо. — Сколько вам...

— ...Тебе, — поправила жрица.

— Сколько тебе было, — мужчина загадочно сверкнул янтарными глазами в лунном свете, — когда ты отправилась на Ангорат?

— Пять. — Жрица повернулась к собеседнику гордым профилем. — Я всегда была самой молодой сестрой в Общине. К четырнадцати годам я освоила все, что могла, и теперь служу в храме Возмездия.

— Этого следовало ожидать от жрицы с таким именем — Шиада. Тебе не кажется удивительным то, как тебя нарекли?

Шиада тихонько засмеялась:

— Да, это всем кажется удивительным, но кто осмелится спорить с Матерью и храмовницей? И потом, со временем привыкаешь.

— Жрице с твоим именем не пристало жить в Этане. Ты вернешься на остров или останешься жить в доме отца? — Агравейн не унимался с вопросами.

— Вернусь, конечно, здесь мне нечего делать. Я приехала как Сирин, только чтобы представлять династию на свадьбе твоей сестры. Почему ты спрашиваешь? — Шиада обращалась к принцу на «ты», независимо от его мнения на сей счет. Но, судя по всему, Агравейн не возражал.

— Потому что слишком нечасто я могу беседовать со жрицами. — В его мыслях жрица слышала совсем другой ответ. Но Агравейн пытался делать то же, что делали иногда друиды Ангората, когда она ловила их на откровенных мыслях: приглушать их, — и этот жест вызывал в Шиаде невольную волну уважения. — У воинов мало времени на обряды и жречество, особенно у тех, чьи отцы сидят на троне. Мы имеем дело со жрецами в храмах и, конечно, с Сиринами и Тайи, но это совсем не то. В детстве я три года провел в Братстве Друидов и до сих пор тянусь к тем носителям змеиного могущества, с которыми меня не связывают обязательства страны.

Шиада чувствовала исходившую от него силу. Физическую, нравственную и духовную.

Что-то легким морозом забрезжило перед жреческим взором, заставив Шиаду переливчато засмеяться:

— Боюсь, жрицы единственные из женщин, с которыми ты в состоянии разговаривать! — В глазах Шиады непроизвольно мелькнуло какое-то лукавство.

— Ты о чем? — озадачился мужчина.

— С другими женщинами до разговоров дело редко доходит.

Агравейн тоже засмеялся, опустив голову на руки, упертые локтями в колени. Он понял, что расслабился.

— Видимо, Сирины и впрямь подаровитее обычных жрецов, раз ты видишь столь многое за столь малым.

— Тебе не удастся похвалами и со мной перейти от разговоров к ласке, — без тени упрёка сказала Шиада, посмотрев на мужчину.

— Я этого и не хотел. — Агравейн посмотрел в ответ, подмечая, как вновь напрягся всем телом.

— Точно, а я и не жрица вовсе, — продолжала она улыбаться. — Ладно, ты хотя бы не выказываешь этого в столь примитивной форме, как остальные. И к тому же тебе достаточно наскучили красивые женщины, чтобы ты бросался и на меня.

«Глупая», — ласково улыбнулся Агравейн в мыслях.

— А я-то думал, мы поговорим о религии, — вслух усмехнулся принц, все еще понимая, что горло сдавливает неловкость.

— Неужели женщины прискучили тебе настолько? — Девичья бровь взметнулась на светлом пленительном лице.

Агравейн засмеялся пуще прежнего.

— Это невозможно, — с трудом выговорил он.

— Что именно?

— Иметь дело с той, перед которой у тебя не может быть секретов.

— Мы не имеем никаких дел, принц, мы просто разговариваем.

— И жаль, что просто разговариваем. — Жрица едва уловимо вздрогнула от этих слов. — Ну а что? Раз ты прекрасно все понимаешь, нет смысла притворяться и играть в непонятные игры.

— Честность достойна похвалы, — заметила жрица.

— Мне этого не скрыть. — Агравейн немного отстранился, выровнялся, сидя на скамье, и пожал плечами. — Ты уже служила Иллане в Нэлейм?

— Это не имеет отношения к тебе, принц.

— Имеет. Если бы я знал это наверняка, знал бы и свои шансы на успех.

— Ты наследник короля, а я — от крови Сирина. Нет у нас шансов, кроме Нэлеймов, если храмовница дозволит.

— Кто знает, Шиада, пути Богини неисповедимы.

Надо же, это она должна была сказать ему... Какая глупая.

— И впрямь.

— А если Нелла оставит тебе участь Тинар?

— Почему-то мы говорим совсем не о религии, Агравейн, — засмеялась жрица тихонечко.

— Разве нет? Я слышал, как ты обсуждала с Растагом — кажется, его так зовут? — что лучше быть жрицей, чем одной из монахинь, вечно хранящих целомудрие в склепах, которые христиане зовут монастырями и куда они отправляют своих женщин, как ненужный товар с рынка. По-моему, ты еще сказала, что там женщинам суждено похоронить себя заживо.

— И что?

— Если Нелла изберет для тебя тропу Тинар, разве ты не окажешься такой же монахиней, запертой в девичестве, никому не нужной и похороненной заживо в склепе Священного острова?

— На Священном острове нет склепов, — разумно проговорила жрица. — И даже если храмовница пожалует мне девственный пурпур храма Воздаяния, я буду точно знать, что пошла на это добровольно.

— Добровольно?

— Да. В детстве я была мала, чтобы понимать, но теперь точно знаю, что не пожелала бы себе иного пути, кроме жреческого. Потому, что бы ни решила храмовница, вероятнее всего, я подчинюсь.

— А если твои родители решат иначе и выберут тебе мужа?

— И это спрашивает человек, который начал разговор с того, что жрицам Великой Матери не пристало оставаться в Этане, — протянула девушка.

— И все же?

— Да какая мне разница, что там решат родители? Я, конечно, уважаю их, но среди людей я ничего и никому не должна, кроме той, с которой была связана пуповиной. И моя мать — сама, как и я, дочь Священного острова, она исполнит любую волю Праматери, а значит, все, что велит Голос и Длань Той-Что-Дает-Жизнь, будь то самопожертвование на жреческом алтаре или тропа Тинар для единственной дочери. Что до отца — право

распоряжения исходит не от родительства, а только от священной крови. Истинной царственностью во всем Этане обладают только владычицы Ангората, и в моих жилах течет их кровь от бабки, одной из храмовниц.

Агравейн улыбнулся, но нечто серьезное горело в потемневших от ночи глазах:

— Стало быть, раз ты столь покорна Нелле, мне стоит попросить ее устроить в следующий Нэлейм нашу встречу.

— Сумасшедший. — Рядом с Агравейном Шиада не могла не улыбаться. Казалось, что сила, которую жрица чувствовала от сидевшего рядом мужчины, заставляла ее светиться.

— Есть отчего, — сказал Агравейн. Он взял лежавшую на коленях ладонь девушки. Шиада опять вздрогнула.

— Не надо, — ясно выговорила девушка.

— Шиада, я...

— Что бы ты ни удумал, Агравейн, не надо.

Мужчина впервые, кажется, на своем веку почувствовал, насколько женщине трудно дается отказ. «Что?» — вдруг поймал себя на мысли. Да ему вообще впервые отказывают!

Агравейн медлил. Придвинулся к Шиаде ближе, взял за подбородок, не мигая, смотрел в глаза. Ладонь и лицо под пальцами заметно напряглись, и Агравейну показалось, будто кто-то вбил в его сердце занозу.

Да как так?

— Не надо, — повторила Шиада, понимая, что щеки краснеют, будто у провинившейся в обучении девочки-жрицы, которая первый раз по непривычке проспала встречу рассвета.

— Хорошо. — Агравейн отстранился. Обычно бесподобный, глубокий бархатистый голос хрипел. Агравейн, удивленный реакцией собственного тела, прокашлялся. И ладно бы только это, подумал принц неожиданно. Так ведь и в груди что-то сдавило, будто от вселенской тоски...

— Спасибо, — поблагодарила жрица, когда Агравейн отодвинулся. В выражении признательности Шиада опустила глаза, и мужчина, глядя на хрупкую богоподобную жрицу, содрогнулся, почувствовав один сплошной спазм во всем теле. Так замирает голубка в тени громадного сокола.

Да как так?!

Агравейн вскочил с места и, развернувшись лицом к жрице, протянул руку:

— Надеюсь, ты сегодня будешь танцевать? — Он отбросил чувства, как наваждение.

Шиада опомнилась не сразу.

— Отчего нет? — улыбнулась в ответ.

— Тогда обещай станцевать со мной хотя бы раз, — попросил принц.

— С удовольствием, — ответила Шиада, поднимаясь.

Когда танцы начались, жрица в полной мере осознала собственную притягательность: ни одного танца не удалось ей посидеть на скамье. Девицу приглашали братья (чаще других Растаг), отец, друзья отца и их сыновья, герцоги Ладомары, с которыми отец не был особенно дружен, — средний (лет на десять моложе Рейслоу) и младший (моложе самой Шиады на три года). Четыре танца она провела с Агравейном, два с младшим герцогом Лигаром — старшему ее даже не представили! — и еще два с королем.

Наконец жрица сказала очередному кавалеру, что больше не в силах сделать ни шагу. Благо пригласившим оказался Агравейн, который, получив отказ, упал на скамью рядом с Шиадой. Они разговорились.

Празднества продолжались четыре дня, и Агравейн впервые не выказывал излишеств в вине и пиве: проводя дни и вечера в обществе Шиады, он почему-то не мог себе позволить приблизиться к ней во хмелю. Ревностно оберегая их общение от посягательства других воздыхателей жрицы, Железногривый со все больше тяжелеющим сердцем сносил часы, которые жрица проводила с семьей.

Вскоре девушка обнаружила, что Агравейн не только привлекателен внешностью: он крепок верой, довольно умен, образован и обладает прекрасным чувством юмора. К тому же ему хватало ума не превозносить Шиаду только за «невероятно прелестное лицо» и «удивительно ладную фигуру». По какой-то причине ощущение, что они едва знакомы, упрямо не возникало. Напротив, Шиаде казалось, что она знала Агравейна уже неправдоподобно давно. И почтительность принца к ней самой мало-помалу усиливала в жрице глубокое уважение.

Наутро пятого дня, едва занялся рассвет, Шиада и Ринна, выйдя во двор, приветствовали восходящее солнце Девственницы Тинар. После обряда кузины присели на траве.

— Наконец-то спокойно, — проговорила Шиада, глядя в чистое лазурное небо.

— Гораздо лучше неистовых празднеств, в которых благочестивые христиане, без умолку талдычащие про мораль и необходимость воздерживаться в земных удовольствиях, упиваются до безумия, — заметила Ринна со свойственной ей прямоотой.

Шиада усмехнулась:

— Хорошо, что после такого количества выпитого замок будет отсыпаться до полудня, и мы можем насладиться тишиной. Она пойдет на пользу ребенку, которого ты носишь.

— Хочу, чтобы это была девочка, — дрожа, проговорила Вторая среди жриц. — Хочу иметь ребенка, которого обязана отдать Богине. После пусть будут хоть одни сыновья, пусть даже ни один из них и не станет друидом, пусть даже вовсе не будет у меня детей, но одну дочь я должна Праматери Богов и людей. — Ринна закрыла глаза, смаргивая слезы, которые давно разучилась проливать.

Шиада осторожно взяла сестру за руку и тихо прошептала:

— Этот ребенок будет жить, вот увидишь.

— Пути Матери неисповедимы. И ежели...

Шиада резко сжала ладонь сестры:

— Не думай о таком. Трижды в твоем чреве зрела жизнь, дважды ты воспроизвела ее — большего не взыщет и Праматерь. Этому ребенку уготована великая судьба храмовницы Ангората. — Шиада лучилась верой.

Ринна благодарно взглянула на кузину:

— Спасибо, Шиада.

Еще долго взгляд двух пар женских глаз — цвета сердолика и цвета антрацита — пронзал поднебесье.

Погода, обещавшая с утра быть солнечной, обманула ожидания многих. Неистовый ветер развеивал на вершине замка знамена, означенные могучегрудым, замеревшим в атаке на задних лапах бурым медведем на зеленом полотнище. Сгибались деревья и травы, когда одинокая всадница, укутанная в шерстяной плащ, выехав за крепостные стены, держала коня рысью по окрестностям города. В то же время два герцога и два друга — Стансор и Лигар —

улучили момент для разговора. С их последней трезвой встречи — вот такой, а не с мечом на перевязи напротив полчищ врага — прошло много времени.

На замковом парапете стояли Рейслоу Стансор и, пожалуй, лучший его друг, первый человек в королевстве после Нироха — герцог Берад из дома Лигар. Мужчина тридцати семи лет, покрытый шрамами и горьким опытом прожитых лет. Одна из боевых отметин рассекала лоб прямо над левой бровью. Брови были широкими и оттеняли глубоко посаженные крупные глаза цвета хвои. Темные волосы едва доставали до мочки уха и уже кое-где серебрились. Один взгляд на этого человека убеждал, что он познал цену жизни, весь смысл которой свел к восемнадцатилетнему сыну Кэю.

— Хорошо, что Тройд женился, — сказал Рэйслоу. — Всегда нужна уверенность, что династия не прервется, и всегда необходимо знать, к кому впоследствии перейдет трон. Особенно сейчас, когда готовится очередная бойня с саддарами. Будь прокляты эти варвары, честное слово, никакого житья от них.

— Жаль, что для этого нам придется воспользоваться помощью староверов.

— Обойдется, — заметил Рейслоу. — Я женат на язычнице, чей брат-король, хоть и признал христианство, остался верен варварским обычаям. И все это не помешало мне приучить Мэррит ходить к обедне.

— Зато дочь у тебя воспиталась среди служителей лжебогини, и в этом мало хорошего. Рейслоу насупился, но Берад тут же добавил:

— Впрочем, это не мое дело. Во всяком случае, ее красоты воспитание не портит.

Стансор оживился:

— Да, кстати об этом, Берад. Я тут подумал насчет дочери...

Лигар, поймав взгляд друга, сразу покачал головой:

— Нет, Рейслоу. Прости, но сыну я найду жену-христианку. Не потому что так уж ненавижу язычников — в конце концов, я не священник, не епископ и не проповедник. Среди них встречаются хорошие люди, взять, к примеру, короля. Но за христианством будущее. Вот увидишь, пройдет не так много времени, и Богиня вместе со своими змеями канет в былое.

— Я приучил Мэррит ходить на службу, так что и Итель научится.

— Нет, — отчеканил Лигар.

Рейслоу несколько раз поморгал. Внезапно его осенило.

А Лигар продолжал говорить:

— Хорошей женой может быть только христианка, и лучше бы из монастыря. Гвен воспитывалась в гуданском больше десяти лет, и не сказать что это сильно ей повредило.

Рейс понял, что продолжать разговор в этом русле бесполезно, и замолчал. Берад спросил:

— Как думаешь, когда саддары начнут вторжение?

— К концу осени, может, к зиме. Скоро Нирох соберет вождей. И тогда-то эти варвары узнают, как могуч и силен тот, кто правит Иландаром, как верны своему повелителю те, кто идет под знаменем королевского медведя.

— Верно говоришь, Рейс. Но как бы ни были сильны воины медведя, молодому Гудану в этот раз придется тяжело.

Стансор кивнул: граф Гай Гудан был довольно молод, на его плечах лежала крепость недалеко от приграничных земель, вблизи которой воинство Иландара, согласно замыслу короля, планировало держать оборону. Разбить лагерь в этих местах значило ударить по

состоянию Гудана. Ко всему жена графа должна была разрешиться через месяц, что лишало Гая возможности отправить ее в королевский замок на попечение до родов. Женщине предстояло вести хозяйство в непростых условиях.

— И то верно, — согласился Рейслоу. — Я говорил с Гаем и обещал прислать Мэррит в помощь его леди.

— Не боишься за жену?

— Чего бы мне бояться?

— Слышал, Мэррит нездорова.

— От кого слышал?

— От Роланда.

— Ему надо меньше трепать языком, — нахмурился Рейслоу. — Точно старая кухарка! А Мэррит я всяко отправлю. У Гудана в землях этот его монастырь, большего оплота христианства во всем Иландаре не сыскать. Ну, если не считать твоих земель, — усмехнулся Рейслоу.

Берад засмеялся тоже.

— Удивительно, что этот монастырь вырос в центре Гудана, с его верностью старой религии.

— И хорошо, что там, — проговорил Стансор. — Значит, однажды Христос изгонит эту Богиню из самого ее насиженного места.

Берад опять одобрительно гоготнул.

— На кого оставишь Мэинтар, если Мэррит уедет?

— На Элайну.

— Она довольно молода, — протянул Лигар.

— Тебя послушать, Берад, все они молоды, одни мы с тобой старики. Элайне уже восемнадцать лет, она взрослая женщина. Мэррит семнадцать едва минуло, когда я взял ее в жены. И, надо сказать, поводов сомневаться в умениях хозяйки не давала с первых дней. Да и твоя Олли — царство ей небесное — умудрялась на семнадцатом году жизни управлять замком и растить Кэя, пока ты ездил с отцом по соседним краям.

Берад усмехнулся:

— Убедил. Когда планируешь свадьбу сына?

— Через три недели. Надеюсь увидеть тебя на празднестве.

— Разумеется. Эка жизнь, — протянул Берад, — все вокруг женятся.

— Может, и тебе пора? — спросил Рейслоу. — Ты не стар, тебе нужна новая герцогиня.

— Когда ты уезжаешь? — спросил Берад друга с нарочитым равнодушием.

— Завтра вечером, сегодняшний дождь размочит дороги. Да и мне надо с Араспом еще раз переговорить по поводу свадьбы. Однако тучи сгущаются, давай продолжим наш разговор в стенах замка.

— Отличная идея, — поддержал Берад.

Шиада вернулась в замок поздним вечером насквозь промокшая, но довольная.

— Снимай скорее платье, — говорила Ринна, помогая кузине раздеться. — От него же из-за дождя ничего не осталось. Как же здесь делают ткани, если после первого ливня с них вся краска слезает?!

— Их ведь не учили варить краски, как нас, — произнесла Шиада, стягивая мокрую сорочку. Совсем нагая, она переминалась с ноги на ногу и, обтираясь полотенцем, чтобы хоть немного согреться, ожидала, пока жрица даст ей другую, сухую.

Надевая рубашку, девушка попросила кухню достать из сундука льняное темно-коричневое платье. Когда молодая женщина развернулась к Шиаде с одеянием в руках, та с широко раскрытыми глазами тихонько вздохнула: за спиной сестры маячил ее бледный морок с застывшим взглядом и вздернутым животом. Шиада отшатнулась.

— Что не так? — спросила Ринна.

Девушка опомнилась.

— Холодно. Надо одеться поскорее и прогреть ноги, не то простужусь, — произнесла Шиада, напрочь зачищая сознание, чтобы Ринна не слышала мыслей. — Иди на ужин, сестра. Я останусь в комнате, прислужница поможет мне отогреться.

— Ты не выйдешь? — спросила Ринна сестру.

— Думаю, нет.

Не в силах уснуть, жрица все-таки вышла из комнаты, далеко за полночь, когда Ринна уже спала. Понимала, что, если кто-нибудь увидит ее, гуляющую по замку в темноте, сплетен не оберешься, но остановиться не могла: неведомое жреческое наитие вело ее из покоев.

Хрупкий серп молодой луны в небесах то показывался, то прятался за густыми облаками. Тихие голоса ночной природы раздавались отовсюду легкими шелестами, шорохами, жужжанием. Жрица ловила чувствами и голос Праматери, и народившийся полумесяц в небе.

«Да, — думала она, — с новой луной время и начинать».

Потеряв счет времени, девушка гнала мысли о непрошеном видении. Даже знать не хотела, к чему оно. Как бы ни разнилось их с Ринной положение, сколь бы много раз кухня ни была Второй среди жриц, обе они — дочери Всеединой Богини-Матери и обе они — от Ее древней крови, несущей священную силу Сиринов. Эта кровь избранных роднит и сближает пуще всех остальных способов, известных людям. Даже с соправителями Тайи нет у Сиринов такого родства, как внутри ветви. И минувшим вечером Великая послала Шиаде знамение, что один из ростков этой ветви, отросток от могучего древнего Дуба, оборвется. Круг перерождения, конечно, вернет Ринну, да что толку...

Из конюшен раздалось жалобное ржание, вслед за которым Шиада не столько слухом, сколько обостренным жреческим чутьем и умением читать в мыслях уловила шепот. Вместо того чтобы, испугавшись разоблачения, поскорее скрыться в стенах замка и добраться до отведенной комнаты, жрица пошла на звук. Точно, поняла она, ведомая, будто ее тащили за крупнозвенную золотую цепь, начинающуюся где-то глубоко в груди. Ради этого момента она и вышла в ночь. Неслышно жрица приблизилась к сидевшему на сене мужчине. Рядом с ним в мучке терзался зверь. Даже во тьме лоснились потные бока коня. Воздух резало надсадное дыхание с хрипом и сип. Тут же стояло ведро с водой, валялись тряпки, кинжал и какая-то деревянная чашка. Незнакомца в темноте Шиада признала сразу.

— Что с ним? — спросила она, и испугавшийся от неожиданности Агравейн обернулся.

— Ты напугала меня, Шиада.

— Прости, — ответила девушка, опускаясь рядом.

— Гроза застигла меня у окрестной рощи. Молния ударила прямо перед ним, он встал на дыбы, сбросил меня и упал, зацепившись боком о какой-то сучковатый пенек. Глупая случайность, а конь теперь с продранной боком. Рана глубокая.

Голос Агравейна был печален и устал. Сидит здесь с самого вечера, решила жрица.

— Я сделал мазь, но когда она уже возымеет целительное действие? — Агравейн в сердцах повысил голос. — Я привязан к Талину. Мы вместе с ним проходили путь, за

который меня называли Железногровым... — Голос его сорвался.

— Я обучена целительству, — произнесла жрица. Ее голос прозвучал так, что Агравейну не осталось другого выбора, кроме как успокоиться. — Позволишь мне взглянуть?

Без слов Агравейн слегка отодвинулся, пропуская девушку вперед. Шиада понюхала мазь и, аккуратно подцепив пальчиком мелкий густой комочек, попробовала на язык.

— Хорошее лекарство, — сказала она несколько секунд спустя. — Кто научил тебя делать его?

— Мать перед первой битвой, — ответил Агравейн.

Следующие полчаса Агравейн наблюдал, как Шиада, орудуя мазью, тряпками и изящными руками, танцующими в молитвенных жестах, врачевала рану. В каждое движение вкладывала обращение к Матери Вселенной и собственную силу. Наконец, шумно выдохнув, отстранилась.

— Сделала все, что могла, — произнесла жрица устало. — Рана затянется самое большее за три дня.

— Спасибо, — только и нашелся Агравейн. — Талин много для меня значит.

— Я поняла, — ответила девушка, поднимаясь. За время сидения ноги сильно затекли, и, вставая, жрица пошатнулась. Вскинутая рука Агравейна удержала Шиаду за локоть.

— Осторожней, — сказал мужчина, тоже вставая и помогая Шиаде. Свободной рукой он обхватил девичий стан и сгреб девушку, прижав к себе. Шиада с ужасом поняла: Агравейн — скала, не человек!

— Помоги Богиня нам обоим, — хрипло прошептал Агравейн Шиаде в волосы. И девушка согласилась с ним в глубинах души: чувство, какого она доселе не испытывала ни к одному мужчине, разлилось от груди к низу живота.

Агравейн поцеловал Шиаду со всей властью. Праматерь, все дни знакомства она ждала, жаждала этого мгновения... Захоти жрица отстраниться — мужчина не выпустил бы ее, но разве же она хотела?

«Твоя девственность принадлежит Богине, и только Ей. Отдать ее тому, кого назначит тебе Мать, — самое малое, что ты можешь сделать во имя Ее», — вспомнились Шиаде слова наставниц и Первой среди жриц.

Девушка попыталась высвободиться, но Агравейн не выпустил и произнес:

— Не бойся, я не позволю себе многого. Ты не принадлежишь себе, таков твой обет, и я уважаю его. Не посягну на чужое, Шиада, хотя, видит Праматерь, как бы я этого хотел. Дай мне еще всего одно, одно короткое мгновение.

Агравейн поцеловал девушку вновь, иначе...

Наконец, вцепившись железными пальцами в девичьи плечи, Агравейн с трудом отстранил себя от Шиады. Перед жрицей мелькнуло видение — у нее будут говорящие синяки на руках, как раз под пальцами богатыря. Она хорошо их спрячет, наколдует легкие чары, чтобы тем, кто будет смотреть на руки девушки, кожа казалась ровного цвета. Но сама Шиада не забудет, откуда взялись отметины, и еще долго будет вспоминать сладостную боль хватки любимого.

Шиада пошевелилась и теперь лежала, спрятав лицо в груди молодого мужчины. Расшнурованное платье оголяло грудь. Агравейн прижимал девушку к себе и что-то говорил...

— Ты не собираешься замуж, однако я обязан вступить в брак, и, думаю, отец уже присмотрел мне жену, хоть и не сообщил пока о выборе. После того как ты освободишься от

клятвы Тинар, каждую ночь Нэлейма я буду твоим, Шиада. Слышишь? Твоим, запомни это хорошо. А ты будешь моей.

— Запомню, — прошелестела жрица.

— Знать бы мне, почему мы встретились... Я бы дальше жил себе, как прежде, радовался сражениям, женщинам и веселому хмелю. А что будет теперь?

— То же самое. — Шиада улыбнулась только в словах.

— Думаешь?

— Уверена. На все Ее воля, — отстраненно добавила жрица.

— Верно. Шиада. — Агравейн отодвинул девушку от себя, перевернулся и навис, заглядывая в самое красивое, ни с каким иным не сравнимое лицо о двух горящих агатах. — Сегодня ты уедешь, и мы, может, не увидимся до самых Нэлеймов, но я хочу... да что там, прости меня, я требую, чтобы ты помнила меня. Вот... — Он, отстранившись и сев сверху, снял с мизинца *перстень* и надел Шиаде на указательный палец. — Сохрани его.

Девушка кивнула и дернула с шеи подвеску в форме перевернутого факела, из агата. Агравейн, проследив жест, нахмурился, недоверчиво глядя на девушку под собой. Это ведь ее символ принадлежности к храму Богини Воздаяния! Она сама говорила в одной из бесед.

— Возьми, — настояла жрица, угадывая его сомнение.

Дрожащей рукой мужчина принял дар, посмотрел в бездонные глаза, положил подвеску рядом с головой возлюбленной. Выдохнув имя девушки, вновь склонился к ней.

Останавливаться было немыслимо тяжело — и неизбежно необходимо.

— Мне пора, — сказала девушка несколько минут спустя. Поднялась, ловко зашнуровала тесемки платья. — Если меня увидят, слухи сведут с ума семью. Я бы не хотела доводить их. Вскоре отправлюсь на Священный остров, но им-то жить среди иландарцев, — тоскливо выдохнула. — Не хочу уходить.

— Остань...

Агравейн Железногривый не договорил: Шиада приложила пальцы к его губам.

— На все — Ее воля. Верь и молись Ей, и Она сведет наши тропы. До свиданья, Агравейн.

Девушка заставила себя развернуться, чтобы уйти, но Агравейн придержал ее за запястье. Жрица обернулась и в последний раз взглянула в прекрасные янтарные глаза. Мгновение спустя Агравейн отпустил девичью руку, не сказав ничего.

Через пять дней семейство герцога Стансора вернулось в Мэинтар, утесоподобный замок из серого камня с квадратными башнями, расположенный в северных землях страны. Завертели слуги и знать — готовились к свадьбе Ронелиха и Элайны.

Гленн и Тирант, родные братья Ринны, первому из которых, как друиду, вменялась в обязанность защита сестры, по настоятельной просьбе короля остались в Кольдерте — готовиться к осенней вылазке к варварам. Поэтому эскорт Второй среди жриц и Шиады состоял из родственников и слуг последней.

За пару дней до торжества в Мэинтар прибыл Берад Лигар с сыном Кэем. Злополучное видение о будущем сестры больше не являлось — Шиада не позволяла наваждению изводить себя. Да только в душе все равно знала — сколь морок ни гони, начертанного не изменишь.

Стосковавшаяся Мэррит упросила дочь задержаться до конца месяца — это ведь совсем недолго, сказала герцогиня, а они так давно не виделись. Жрица согласилась скрепя сердце.

Было еще одно обстоятельство, беспокоившее Шиаду, чья тревога не укрылась от Ринны, Мэррит и Растага. Во время всех трапез Роланд украдкой глядел на нее так, как смотрит отнюдь не брат. Волнения заставляли искать успокоения в воспоминаниях об Агравейне и Ангорате. И за считанные дни Шиада начала с неистовым нетерпением отсчитывать бесконечные часы до отъезда.

Пир на весь мир закатили Рейслоу Стансор и Арасп Отти, отец Элайны, в честь союза детей. Столы ломились от яств и вин, музыканты, будто не ведая устали, играли и пели.

На другое утро Шиада переоделась и отправилась в комнату кухни. Стоило взяться за ручку двери, как образ мертвой Ринны вновь замаячил у Шиады перед глазами. «Это все усмешки Праматери, не иначе. — Девушка попыталась прогнать видение. Но оно не исчезало, и Шиада набралась решимости: — Старуха Нандана стоит за тобой, сестра. Совсем скоро Она спросит свое», — призналась себе жрица и вошла. Увиденное заставило нахмуриться:

— Куда ты собралась? — вместо приветствия спросила Шиада с порога. Ринна оставила неучтивость без внимания.

— Домой. — В голосе Второй среди жриц чувствовалась готовность выдержать любой натиск.

— Ринна, подожди пару недель. Уедем вместе, отец даст нам охрану. К чему спешить сейчас?

— Я еду.

— Но с тобой нет даже Гленна, которому вверена обязанность хранить твою жизнь. А мой отец... ты же сама видишь, насколько он христианин, ему в голову не придет...

— Не упрашивай меня остаться, Шиада. Я решила.

— На дорогах небезопасно, сестра. Мы обе знаем. Сюда нас сопровождали друиды Ангората, мужи, обученные не только таинствам, но и силе, а одна ты можешь и не добраться до дома.

— Ты недооцениваешь мои силы.

— А ты чересчур беспечна, Ринна.

— Я Вторая среди жриц, Шиада, помни, с кем говоришь.

— Я никогда о том не забываю. Только поэтому и прошу подождать. Вторая среди жриц должна выжить, Ринна. Твоя судьба слишком ценна для Богини, чтобы швырнуть ее в ноги Старухи Смерти.

— Если у Праматери есть для меня назначение, Она убережет меня.

— Ринна...

— Шиада! Не думай, что ты знаешь больше моего только оттого, что тоже от священной крови! Ты можешь быть тысячу раз женщиной из рода Сиринов, но я — Вторая из жриц, и не тебе учить меня, как доверять Всеединой. Мать богов и людей всеильна! Если я нужна Ей, Она позаботится обо мне.

— Так ты называешь это доверием?

Пыл Ринны немного угас.

— Не знаю, как еще назвать. Я все время слышу зов Матери. Она требует от меня возвращения на остров. Я бы уехала раньше, но это было бы неуважительно по отношению к Мэррит. Она мне родственница и рождена Верховной жрицей. По ее просьбе я осталась на

свадьбу кузена, но дольше не задержусь.

— Дорога на Ангорат лежит на юг.

— Я знаю тракт, — отстраненно, облекшись в чары недостижимого величия, ответила Ринна.

— На юге племена саддар, сестра. Постарайся побережься и держаться бездорожья. Остальное я доверяю Ей.

Молодая женщина кивнула молча.

— Пойдем позавтракаем, госпожа, — официально обратилась Шиада. — После я сопровожу тебя до границ герцогства.

Ринна спускалась по лестницам первая, как и полагается наследнице Верховной жрицы Ангората. Шиада шла следом.

Шиада вернулась в дом отца ночью следующего дня. Дюжина воинов Рейслоу по настоятельной просьбе жены и дочери отправилась дальше сопровождать Вторую среди жриц до границ Иландара.

Жрица спешила и взяла лошадь под уздцы. Шла мимо оружейных, складов и других вспомогательных и охранных помещений. Из караулок доносились гомон и смех подвыпивших стражников. Уставшая и замерзшая, кутаясь в дорожный плащ, девушка достигла стойл. Будить конюха не стала — подвязала кобылу сама. Самое время отдохнуть, подумала она. С завтрашнего дня жрица не будет есть и пить и не скажет ни слова. Ей предстоит молитва, а боги всегда лучше слышат в тишине.

Если будет на то воля Праматери, Ринна выживет. Вторая среди жриц должна выжить.

За следующим завтраком Рейслоу одобрительно оценил молчание дочери — самое оно для женщины промолчать. К тому же для жрицы... эх, и как он мог уступить тогда жене и позволить увезти Итель в обитель демониц? Надо было отослать ее в монастырь...

Минувшим утром многие из гостей двинулись в путь по домам. Задержались только Лигар с Кэем.

В середине трапезы Рейслоу наказал дочери провести день с невесткой, но жрица решительно развела руками. Элайна, обеспокоенная и обиженная, обратилась к свекрови.

— Я обидела ее чем-то?

— Нет, — ответила герцогиня, с трудом вспоминая подлинный смысл безмолвия. — Это ритуальное молчание, накапливающее силу.

Рейслоу нахмурился и прочел нотацию о том, что послушные дочери так себя не ведут. Неожиданно замолк посреди третьей фразы, ударил кулаком по столу и прогремел:

— На этот раз мы простим тебя, потому что ты наша дочь и дорога нам, и не твоя вина, что тебе не привили должных манер в том прокля... там, где ты воспитывалась.

Шиада чуть было не хихикнула.

Элайна весь остаток завтрака нет-нет да и поглядывала на новообретенную родственницу. Ну точно, думала она, девчонка девчонкой, ничего особенного, кроме славной мордашки. И пусть бы она поскорее возвратилась в эту свою несуществующую обитель. А то больно высокомерна — вот так отказывать герцогу и отцу, вот так оскорблять невестку пренебрежительным размахиванием руками.

«Да кто она такая, жрица вымирающей веры? — думала женщина. — Ничего это не дает, а я, между прочим, однажды займу место ее матери, так что пусть поостережется так со мной обращаться».

В этот момент Шиада неожиданно посмотрела на невестку, и, не понимая как, Элайна невольно вновь воззрилась на жрицу. Та показалась невероятно большой, высокой, и золотое свечение лилось в воздухе не столько от медноцветных, будто позолоченных волос золовки, сколько вообще окружало ее ореолом, будто отражаясь от стана, лица, глаз. Отстраненная, исполненная мистического духа, жрица выглядела чем-то богоподобным. Христианка ужаснулась столь кощунственным мыслям и тут же перекрестилась.

Шиада никуда не делась. И даже образ величия не померк.

Шиада за прошедший срок в три дня не проронила ни слова, и прежде довольный Стансор теперь бесился — молчание, конечно, делает честь всякой женщине, но должен же быть этому предел! Пусть потом не жалуется, ведьма, если однажды он забьет ее до смерти. Вон, не далее как вчера, пытаюсь поговорить с дочерью и не получив ни одного даже невразумительного ответа, не сдержался и влепил крепкую пощечину. Да такую, что Шиада с ног повалилась. Если бы Растаг с Берадом не вмешались, не отделаться ей так легко. «Интересно, надо ли в этом исповедоваться?» — подумал Рейслоу. Вряд ли, это же, в конце концов, его дочь.

Теперь Рейслоу старался не видеться с дочерью и потому, оставшись с Мэррит в ее комнате, обращался с расспросами к жене:

— Ты не боишься, что такими темпами мы ничего не добьемся? Берад уедет со дня на

день, а ведь в вопросе женитьбы Кэя он играет решающую роль!

Герцог метался по комнате, размахивая руками, а женщина спокойно стояла спиной к окну, наблюдая за ним.

— Рейслоу, не кричи...

— Может, следовало принять предложение Гриада, или того же Ладомара, или Хорнтелла — этот стал бы идеальным вариантом! Нет же, хватило ума положиться на твои языческие бредни! Десять лет назад я позволил тебе отослать ее на Ангорат, и что вышло?! Ох... надо было... ну точно, надо было отправить ее в монастырь.

— И ты бы не вспомнил о ней никогда.

— Что ты говоришь, Мэррит? — возмутился герцог.

— И ты бы не вспомнил о ней никогда, — повторила женщина.

— Что за чушь ты несешь?

— Рейслоу, не распаляйся, прошу. Мне не очень хорошо, и у меня нет сил на споры. Я уже говорила: я раз десять видела, что Итель будет жить в замке под знаменем грифона. А грифон в Иландаре один — Лигар.

— Но ведь она не делает ничего, чтобы Берад ее одобрил! Молчит как рыба, мне не подчиняется, делает что вздумается и в церковь совсем не ходит! Да, признаю, Кэю она симпатична, но мудрено ли — в их возрасте и с ее-то лицом? И потом, это увлечение не играет никакой роли — без согласия Берада все твои планы полетят...

— Ох, Рейслоу. — Мэррит схватила за бок. Муж в два шага преодолел расстояние в полкомнаты, разделявшее супругов, и подхватил покачнувшуюся жену.

— Что с тобой?

— Устала, нужно прилечь.

— Отдыхай, — проговорил Рейслоу со старательной нежностью, не подходившей его суровому, некрасивому лицу.

— Послушай меня, Рейсл...

— Нет-нет, не трать силы, отдыхай.

Мэррит не уступала:

— Ты должен отпустить Шиаду на Ангорат. Еще рано осуществлять задуманное.

— Если я ее отпущу, Берад женит Кэя на ком-нибудь другом. И поверь, мы никакими уговорами не заставим эту своенравную девчонку вернуться в Мэинтар.

— Кэй еще долго не женится. А возвращение дочери оставь мне — я сумею действовать убедительно.

— Мэррит, просто отдыхай.

— Шиада должна вернуться на Священный остров.

Рейслоу выругался мысленно, а вслух сказал:

— Будь по-твоему.

К трапезам в тот день Мэррит не выходила, и дочь провела день подле нее. Знания, обретенные в стенах учения на Ангорате, помогали жрице успешно заботиться о матери. Может, немного любимой матери, думала девушка.

Перед ужином того дня — в преддверии четвертой луны после отъезда Ринны — Шиада завершила свой пост в молении и теперь трапезничала вместе со всеми. Девушка не особо вслушивалась в стрекочущую болтовню женщин о платьях и украшениях и уж тем более не принимала всерьез разговоров мужчин о войне.

«И не надоело им? — думала жрица. — И так полжизни с мечом в руках проводят, да еще и все разговоры о клинках да копьях. Правильно говорит Таланар: что слетает с уст — залетает в дом. Если бы они меньше болтали о войне, меньше пришлось бы и воевать».

Вообще Шиада за минувшие три дня в доме отца поняла, что беседы здесь, мягко говоря, не изысканны. Женщины и мужчины всегда судачили об одном и том же; местные светочи знания, монахи из герцогской церкви, вечно бубнили проповеди или тянули их заунывные псалмы, от которых Шиаде все время хотелось то спать, то отвесить им по подзатыльнику, как несмышленным мальчишкам. Ну где это видано, чтобы голос женщины оскорблял Бога? Видимо, голоса мужчин, ревуших в пылу сражения подобно дикому зверю, или пьяные солдатские песни ласкали уши их Бога куда сладостнее. Если так, она, Шиада, ни за что в жизни не стала бы служить такому Богу. Всякого Бога родила Богиня, Всеединая Праматерь, даже их Христа, но что же это за женщина такая, если Сын Ее вырос настолько сомнительным, думала Шиада. Что ж, она бы, наверное, тоже перестала доверять женам, если бы те растили таких сыновей...

Неожиданно гомон голосов за столом, как и сам стол, куда-то уплыл — перед глазами появились силуэты людей и костра. Шиада легонько потрянула светлокудрой головой — рано еще для видений, она не призывала дара Взора.

С другой стороны, размышляла Шиада, пригубив ячменного пива, говорят, их Мария Благодатная не знала мужчины до того, как один из посланников Бога сообщил ей, что она носит ребенка. На мгновение жрица представила, как Верховный друид Таланар, посланник Праматери и Ее достойного Сына, ходит по комнатам жриц и талдычит им о том, что у них-де будет чадо. Да он же немедленно прослышет чудаковатым стариком, у которого Праматерь отняла остатки разума, — то, что не самоочевидно в таких делах, женщина всяко ведает лучше мужчины. Да откуда мужчинам вообще наверняка знать, от кого у женщины ребенок?

Ох, уж эти мужчины, все им кажется, что по их воле мир возвращается, усмехнулась жрица и неожиданно хихикнула. Присутствовавший за столом лысоватый епископ с бородавкой над губой что-то проворчал — дескать, позабыла миледи свое место, подобающее женщине.

Шиада прогнала вновь вспыхнувшие перед глазами мороки костра и людей и ответила монаху:

— И кто же решил, что за место полагается женщине?

— Бог, — без тени сомнения ответил священник.

— Он сказал вам об этом лично? — Шиада выпрямилась, немного откинувшись назад, и посмотрела на епископа с вызовом.

Монах перекрестился и взял в руку свисавший до живота деревянный крест.

— Прошу простить, миледи, но сразу видно, что вы не получили должного для женщины воспитания. Занимались, поди, не бог весть чем, вместо того чтобы освоить единственное достойное внимания и обязательное Священное Писание.

— Ту тяжеленную книгу, которую вы зовете Библией?

— Да как вы смеете?! — Теперь уже все присутствовавшие — родственники, гости, наиболее близкие дружинники Рэйслоу и товарищи молодых братьев-Стансоров, приближенные дамы Мэррит и Элайны — обратили внимание на спор старика в рясе с юной жрицей. Несмышленная девица, не иначе, и краса ее от Лукавого, подумала Элайна. — Библия — это Слово Божие!

— То есть она появилась по слову вашего Бога?

— По слову Единственного Бога! — взвизгнул священник.

— Племена из Ургатских степей за Архоном считают, что единственный Бог — это их Бог. И добродетель мужчины и женщины перед их Богом определяется не какой-нибудь книгой, а законом воздаяния и возрождения.

— Варварские бредни!

— Итель! — взревел Рейслоу.

— Рейс, не надо, — осек Берад, многозначительно глянув на друга.

Рейслоу, засопев, промолчал.

— А Архон и Ангорат в чем-то — во многом, если быть честной — согласны с племенами. Ведь в конце концов есть только один вселенский закон — это Круг. И этот Круг одинаков и для мужчин, и для женщин. У каждого из нас в нем одинаковый путь.

— Языческие суеверия! Истинный Бог только один.

— Истина в том, что все боги — суть Единый Бог, даже ургатские племена это знают. И даже им хватает здравого смысла и нравственности уважительно относиться к чужим богам.

— Других богов нет! — взревел священник. — Эта истина изложена в Библии!

— Библию написали мужчины, — резонно заметила жрица. — Сообразно тому, чего хотели от жизни.

— Ведьма!..

— Но как бы вы, христиане, ни старались, даже вам не стереть, не вычистить людской памяти древности. Есть лишь один Бог — Змей Прародитель, а лишь одна ему Мать — Всеединая, — договорила Шиада отстраненно.

— Неудивительно, что эта сатанинская прислужница родила ползучего гада!

Лицо Шиады потемнело:

— Убоись, старик, звать Уробороса гадом. Змей — начало Круга и начало всей Мудрости. Только это, наследованное от Матери-Змеи, и делает его по-настоящему достойным Ее Сыном. Этого не изменить даже вашей Библии, и мы, служители культа, горды тем, что носим знак Змея.

— Мы уже изменили это!

— Разве? — дерзко бросила жрица из рода Сирин.

— Змей — начало всей подлости и порочности этого мира! Он совратил женщину...

— Знанием, верно, — продолжила Шиада. — Женщина поддалась на искушение знанием, потому что мудрость и знание — женский удел с тех самых пор, как Праматерь сотворила Вселенную. И женщина научила знаниям мужчину.

— За что Адама с Евой изгнали из Рая! — Вот, вот он, аргумент, которого не переспорить, возликовал епископ, пыхтя и подергивая губой с бородавкой.

— Ваших Адама и Еву изгнали из Рая потому, что они познали глубокую истину — в знании сила, но в незнании счастье. Вот та единственная истина, которая есть в вашем Писании, ведь все настоящие истины горьки. Если бы Ева не вкусила от Знания, то, по этой самой Библии, нужно всю жизнь быть счастливым и для этого — быть идиотом.

— НУ ХВАТИТ!!! — Рейслоу и епископ взревели одновременно. Стансор вскочил с места:

— ТЫ НЕМЕДЛЕННО ИЗВИНИШЬСЯ, ПОЙДЕШЬ В СВОЮ КОМНАТУ, А ЗАВТРА УТРОМ ОТПРАВИШЬСЯ НА ИСПОВЕДЬ И БУДЕШЬ НЕУКОСНИТЕЛЬНО СОБЛЮДАТЬ ЕПИТИМЬЮ, КОТОРУЮ ТЕБЕ НАЗНАЧАТ! ПОНЯЛА МЕНЯ?!

Шиада не отвечала, молча воззрившись священнику глаза в глаза. Чернеющий отблеск ее собственных засветился, как озерная гладь под бледным светом полумесяца. Она смотрела

неотрывно, и ярость епископа угасала, а смелость и решимость таяла, как сахар в огне. Монах как-то сдулся, будто весь сморщился, а потом встал, скомканно извинился и ушел.

Лигар-старший сглотнул. Рейслоу сел. Шиада отхлебнула ячменного пива и поморщила тонкий прямой носик — питье довольно скверное, как ни крути.

За ужином следующего дня епископ герцогства отсутствовал — жрицы он теперь избегал, хотя на исповедь она так и не пришла. В то воскресенье все утро и потом в обед без конца трезвонили колокола, призывая христиан на службу. Их звук казался Шиаде нестройным, утробным и безнадежно раздражал. Благо вечером этим святошам полагается молиться в покаях, втайне радовалась жрица, время от времени соглашаясь с чем-то из того, что без умолку твердил ей Кэй Лигар.

Внезапно гомон голосов, окружавших Шиаду, зазвучал иначе — будто в одно мгновение она оказалась у подножия гор, в ущельях которых пировали люди, и голоса их доносило особое, «скалистое» эхо.

«Нет», — отрезала жрица, отгоняя видение.

«Тебе не закрыть глаз на незримое», — раздался внутренний жреческий голос, равный зову Праматери. И зрение победило...

...Ветви сырых от дождя деревьев укрывали кого-то в звериных шкурах, с короткими кремневыми ножами. Спрятавшиеся следили за другими, сидевшими у костра. В шатре близ пламени двигалась женская фигура. Легкий шепоток пробежал среди тех, что прятались в лесу. Раздался клич, полетели ножи и — неожиданно — дротики. Несколько человек у костра повалились...

Видение потухло.

«Матерь!» — из темноты позвала женщина и земную мать, и Единую.

Где-то на другом конце земли в ответ на зов Первая среди жриц открыла призрачные глаза, «выкатилась» из собственного тела и поспешила к дочери. Тело Ринны, оскверненное дикарями, еще дергалось в предсмертной конвульсии. Из вспоротого живота вытекала кровь. И что-то еще, похожее на золотисто-черный дымок...

...Лагерь дымит пожаром. Трупы двенадцати мужчин лежат вокруг пепелища. В объятom пламенем шатре распростерта на земле женщина с застывшими глазами... Над ней дух рыдающей матери. Кровной.

...Слышится гвалт ликования варваров — саддаров, опустошивших лагерь...

Нелла поднимает полупрозрачное лицо и смотрит на такой же, как сама, морок Шиады.

— Шиада, — позвала храмовница, и юная жрица так и не поняла, позвала она в ней Сирин или через племянницу обратилась к самой Матери Сумерек и Кровавой Богине Воздаяния.

— Я привезу тебе часть ее, — мысленно обещает девушка, и Нелла слышит этот обет.

— Попроси о дожде, о мать, — просит Шиада. — Попробуй...

...Не колеблясь, молодая жрица запустила руку в огонь и сорвала с шеи убитой лунный камень в форме полумесяца. Пламя пожгло кисть, призрачную, но Шиада тут же поняла, что и реальное запястье ее тела сохранит след ожога.

Резкая боль от укуса пламени неуклонно возвращала Шиаду в трапезную залу замка Стансоров. Из последних жреческих сил девушка держалась там, в догорающем шатре, с

лунным камнем в руке...

...Картина сменилась. Повсюду расползались, как черви, красные сети крови иландарцев и саддар... Они выступили первыми, они уже в стране. Повсюду, и даже здесь, под знаменем грифона. Это не будущее, это настоящее — варвары уже жгут и режут. И будто из небытия недалекого прошлого эхом проносится над равниной голос уходящей из этого мира Ринны:

«Ты была права, Шиада. Вторая среди жриц обязана жить».

Дух вернулся в тело. Жрица прерывисто вздохнула и зашептала часть древнего причета:

О, Единая, дочери веры пой Свой причет.

Молодая Иллана родит, а Шиада взывает.

Светлоликой Тинар принесет на алтарь первость —

Память, Долг и Любовь, Смерть и Верность.

Ринна, из седого рода мудрейших в мире,

Не однажды восставшая из ветви священной Сири

Ты — и мать, и дочь, судия, и в ночи — палач, —

Принимай, возносясь, твоих родичей скорбный плач.

Праматерь, позаботься о ней^[2].

Горло девушки стеснило от слез. Рука сжимала камень. Да, что говорить, воздержание и молитвы не прошли бесследно — сила и впрямь возросла, раз ей удалось из видения взять с собой вещь.

Открыла глаза, увидела, что рукав платья ее дымится, обнажая обожженную кожу запястья.

— Итель?! — Голос Ронелиха разорвал тишину.

— Что с твоей рукой, сестра?! — вставил Растаг.

— Ничего, — слышала Шиада собственный голос будто издалека.

Поднялась из-за стола, взяла себя в руки. Понизив голос, властно, как истинная дочь Священного острова, велела:

— Мама, Элайна, уведите дам.

Десятки пар бровей поползли вверх.

— Сделай это. И пусть твои дружинники тоже уйдут, отец. Я буду говорить с теми, кто управляет землями.

Шиада говорила так, будто не Нелла Сири, а она сама была храмовницей Ангората и владычицей. И смотрела жрица на отца так же, как за день до того — на епископа. Рейслоу

просьбу дочери выполнил.

Мэррит, Элайна, дамы, дружинники удалились. Следом встали старший и младший герцоги Лигары.

— Если знамя грифонов ваше, останьтесь, милорд, — проговорила девушка, без конца пожимая в руке шнурок, на котором крепилась подвеска сестры. Второй рукой Шиада вцепилась в высокую резную спинку тяжелого дубового стула, на котором прежде сидела.

— Да, грифон — это знак дома Лигар. А о чем речь? — Кэй нашелся первым, Берад молчал. Шиада набрала воздуха в грудь:

— Вторжение саддар началось.

Тишина повисла ненадолго.

— Что это ты такое говоришь, сестра? — настороженно выговорил Растаг.

— Саддары в стране. Одной Матери известно как, но весь юг Иландара и центральные земли кишат ими. — Девушка, поняв, что ясность мысли вернулась к ней почти полностью, вновь села, равная среди мужчин. Говорила твердо, словно была Богиня и диктовала волю смертным мужам. — Растянулись по стране мелкими отрядами. Они не нападают, не грабят, но ждут. И когда настанет срок, они выступят в один день. — Шиада несколько раз сморгнула непрошенные картины. — Не стягивайте войско у Гудановской крепости. Там биться бессмысленно.

Жрица прочла вопрос «Почему?» в мыслях Кэя раньше, чем он его произнес.

— Удар соберут в центре, — ответила честно. — Они прокладывают дорогу к Кольдерту. День середины декабря решит все. — Да уж, сила ее не просто возросла, она стала под стать самой храмовнице, как бы смело это ни звучало. Если уж многое из увиденного она осознает после того, как произносит.

— Не отсылай мать к жене Гая Гудана, если не жаждешь овдоветь.

— Это ты тоже видела? — в ужасе спросил Ронелих: он ведь помнил, как подобным предупреждением в раннем детстве сестра спасла жизнь ему самому.

Шиада кивнула.

— Делайте что хотите, я не особо смыслю в битвах. Но помните, что в день середины декабря вы должны оборонять столицу. Этот удар окажется сильнее других, и если он удастся — Страбоны исчезнут.

«И королем станет Ронелих», — пронеслось в голове жрицы, и Шиада мимолетно порадовалась, что слышать мысли среди присутствующих может только она.

— Убейте вождя саддар, его легко признать: на нем будет шкура убитого волка с оскаленной пастью. Его смерть определит успех.

Шиада умолкла. Мужчины не сводили с нее глаз.

— Что-нибудь еще? — спросил Берад.

— Путь в твои земли уже очень опасен, милорд, — обратилась она к Лигару. — К Бирюзовому озеру без войска не проехать.

Глаза Берада расширились, рука опустилась на бок, где обычно висел меч.

— Я должен поехать! — крикнул он.

— Поедешь один — и лордом Бирюзового озера станет твой сын.

— Но мой замок...

Сила плескалась в сосуде жреческой души через край. Мысли окружавших ее мужчин набатным колоколом грохотали в голове.

— Ты один из первых людей королевства, милорд, стране ты нужен. Будет еще бойня,

когда ты будешь незаменим. — Калейдоскоп видений заново закружил хороводом перед широко раскрытыми глазами жрицы. Проговаривая спонтанно приходящие видения, Шиада заставляла других застывать и вздрагивать в недоумении. — Жизнь нашего короля будет зависеть от твоей жизни. По дороге в замок гибель неминуема. Возьми ты с собой хоть сто человек, Старая Нандана возьмет свое.

— Кто возьмет? Это еще кто такая? — спросил Ронелих.

— Мать Смерти, — интуитивно ответил Растаг и оказался прав. Как ответ пришел ему в голову, юноша так и не понял.

— Что ты предлагаешь? — недоверчиво спросил Берад.

— Отправить свою свиту в герцогство с наказами выводить войска, а самому двигаться в компании моих отца и братьев. В нужное время и в нужном месте Богиня Войны Шиада даст тебе шанс встретиться и воссоединиться с собственным воинством.

Воцарилось молчание. Берад осматривал мужчин дома Стансор — надо же, хоть бы один усомнился в словах девчонки.

Жреческое запястье пульсировало острой болью, игнорировать которую становилось все труднее.

— Ты не о том думаешь, лорд. Да и с чего бы моим родичам не верить мне? — сказала Шиада, и Берад недовольно подтянулся. Короткий шрам вдоль левой брови проступил будто резче. — Лучше подумай над тем, что я сказала, и не затягивай — время требует быстрых решений.

Даже Рейслоу не вмешивался — помнил, как дочь четырех-пяти лет от роду предрекала то напасти, то радости, то предостережения для семьи. И ни разу не ошиблась.

Шиада вновь обвела взглядом мужчин:

— Мне больше вам нечего сказать.

Мужчины, будто вспомнив что-то, повздрагивали и взглянули на руку Шиады.

— Господи, что стряслось? — в сердцах выпалил Кэй.

«Что стряслось? — едко усмехнулась в мыслях Шиада. — Да как объяснить?»

— Ринна не доехала, — произнесла жрица сухо. — И твои люди, отец, тоже уже не вернутся. Поверь, им выпала куда более легкая смерть. Конечно, ведь мужчинам недоступен ужас женщины...

— Я видел его на шее кузины, — перебил сестру Растаг, не сводя глаз с лунного камня.

Шиада пристально воззрилась на брата. Пока он и жрица что-то искали в лицах друг друга, остальные перекрестились.

«Да как они могут креститься, когда речь идет о жрице Праматери?!» — вознегодовала Шиада.

— Я сочувствую тебе, — проговорил Растаг. — Нам она была чужой, это правда, но тебе была сестрой, верно? — Он пристально смотрел на девушку. Шиада внезапно почувствовала, как изнутри огненными обручами стеснило грудь. Нет, того гляди разревется здесь, как девчонка!

— Спа... спасибо, брат.

— Прими наши соболезнования... — заговорили мужчины.

— Благодарю, — перебила Шиада.

— Итель, тебе нужен лекарь, — проговорил Рейслоу, когда вновь установилась тишина.

— Твои лекари неучи, отец. Сама я справлюсь лучше. Да убережет вас Праматерь. — Шиада сказала это прощание специально — не с целью позлить христиан, но чтобы они

поняли, о ком говорили.

«Да ничего они не поймут, — пронесся в душе девушки внутренний голос. — Никто из них никогда не поймет, кем была Ринна. Не поймет! Куда им, сторонникам веры, что в тысячи раз проще и в тысячи раз моложе нашей, понять, кто это — Вторая среди жриц? — Шиада чуть не зарыдала от мелькнувшей мысли. — Ринна всю жреческую жизнь была Второй среди жриц, а наследница храмовницы обязана жить. Никому из них не дано этого осознания... Разве, может, Растагу?» — Последнее предположение возникло само по себе, в сопровождении смутных, расплывчатых образов, которые исчезли из зрения жрицы слишком быстро, чтобы что-то разобрать.

Хотя обычно она всегда излучала золотое сияние, сейчас лицо и тело Шиады будто окутали невидимые тени. Жрица показалась Стансорам и Лигарам дочерью ужаса. Высокая и строгая, как коса Нанданы, поднялась и вышла. Мужчины еще долго смотрели вслед, не говоря ни слова.

— Я немного видел таких женщин.

Когда все обернулись, Берад понял, что сказал мысль вслух. Чертыхнулся про себя, продлевая неловкий момент.

— Главное, — наконец нашелся Ронелих, — Итель не ошибается в пророчествах. Надо думать, как убедить короля.

Шиаду подташнивало от длительного чародейства в этот вечер. Вкупе с трехдневным воздержанием от еды и сна колдовство привело к непосильной усталости, и теперь Шиада округлила спину, облокотившись на скамью. Плечи расслабились, девушку клонило в сон.

Повязка с пахучей мятной мазью приятно охлаждала запястье. Давно стемнело, Шиада сидела на грубо сработанной скамейке во внутреннем дворе под орешником. Хрупкий серп угасающей луны блеснул в темном небе. Серп Старухи Нанданы, не иначе. А ведь до ее безлунного срока еще несколько дней... Девушка закрыла веки и ощутила, как по щеке пробежала слеза. Будто громадный валун скатился с плеч вместе с этой слезой.

Внезапно спина девицы пошла легким покалыванием — чувство, знакомое всякому, кто вырос среди диких зверей. Шиада, воспитанная среди змей, поняла — за ней наблюдают.

— Приветствую тебя еще раз, лорд, — сказала она, глядя в никуда, опуская на лицо покрывало.

Берад еще не привык, что дочь друга знает то, чего обычный человек знать не должен. Вздвогнув, он глубоко вдохнул.

— От общения со мной демоны не утащат тебя в ад, — выговорила она наконец, втайне злая на себя, что что-то ему объясняет и зачем-то оправдывается. — Ты принял решение?

— Да. — Берад обошел скамейку и без приглашения сел рядом. Шиада не двинулась. — Я поступлю, как ты советуешь.

— Как посоветовал мой отец, лорд Берад, говори прямо. Ты поступишь, как посоветовал тебе твой друг. И ты бы многое отдал, чтобы не знать, что отца наущала я.

Берад начал что-то возражать.

— Хорошо, — отмахнулась девушка. — Я устала, пора отдохнуть. Завтра я сообщу храмовнице и буду собираться на Священный остров.

— Да ты с ума сошла! Ты не хочешь, чтобы мы, мужи, ехали в свои замки из-за опасности, а ты, ребенок, глупое дитя, собралась ехать одна за тридевять земель?! Разве мало того, что случилось с твоей кузиной? Не терпится повторить ее судьбу?

— Не кричи на меня, лорд, — тихо велела жрица. — Я не твоя дочь и не твоя жена. И даже будь хоть сто раз той или другой, я бы никогда не принадлежала тебе.

— Че... чего?! — Какого лешего девчонка заговорила об этом?

— Потому что женщины Сирина с рождения и до смерти принадлежат только Праматери.

— Мне плевать, кто там чему принадлежит, ты никуда не поедешь завтра!

— Это не тебе решать. — До сих пор жрица ни разу не обернулась к герцогу.

— А ты думаешь, Рейслоу тебе это позволит?

— И не ему, — устало проговорила Шиада. — Я ведь сказала уже, женщины из священной династии не принадлежат мужчинам, тем более жрицы. Да и потом, будем честны, в моем мире и в моей вере жрицы Сирина признаются дочерьми самой Богини и только Ее одной. Ни одному по-настоящему добродетельному и достойному мужчине на земле не придет в голову назваться отцом ребенка Богини. Эх, ты совсем меня не слушаешь, лорд. Благослови тебя Мать. Ну или Ее Сын, если ты молишься Ему.

Шиада встала. Берад поймал девичью руку и, не рассчитав силы, сжал, потянув обратно вниз.

— Что ты себе позволяешь? — спросила девушка, и мужчина услышал, что ее голос начал немного срываться.

— Пообещай, что не поедешь никуда завтра.

Жрица покачала головой:

— Я устала от вашего праздного мира. Вы воюете, женитесь, интригуете, влюбляетесь в непозволительных людей и влюбляете в себя других непозволительных, вы хитрите и злоумышляете. Меня готовили к иному. Да, я служу Праматери в первую очередь в лице Шиады, Богине Войны и Матери Сумерек, и я научена вести сражения. Но эти сражения другого рода. Даже те из друидов, кому удалось дослужиться до старших в храме, управляют великими войнами издавека по велению Госпожи Вселенной, а не лезут в пекло сами. Наверное, это подло — воевать, обогреть кровью чужие руки, но у Праматери должны быть те, кто будет это делать. Я, лорд герцог, из их числа, и мое место в храме Шиады, — с пылом закончила жрица. А потом добавила гораздо тише: — И, в конце концов, я просто хочу домой.

[Купить полную версию книги](#)

Реально существующий религиозный институт. Автор не имеет никаких претензий и предубеждений на его счет и никак не принижает его достоинств. Он также не стремится высмеять или принизить религиозные чувства других людей. Больше того, автор сам является глубоко верующим человеком, принадлежащим к той же конфессии. Отсылка к одной из мировых религий связана только со стремлением облегчить работу читателю при проникновении в данный вымышленный мир через наличие хотя бы одного заведомо знакомого ориентира. Критицизм объясняется как требованием сюжета, так и банальной фактологией, которая не отрицает того, что любая сегодняшняя конфессия обеими ногами стоит в язычестве.

Здесь и далее стихи автора.